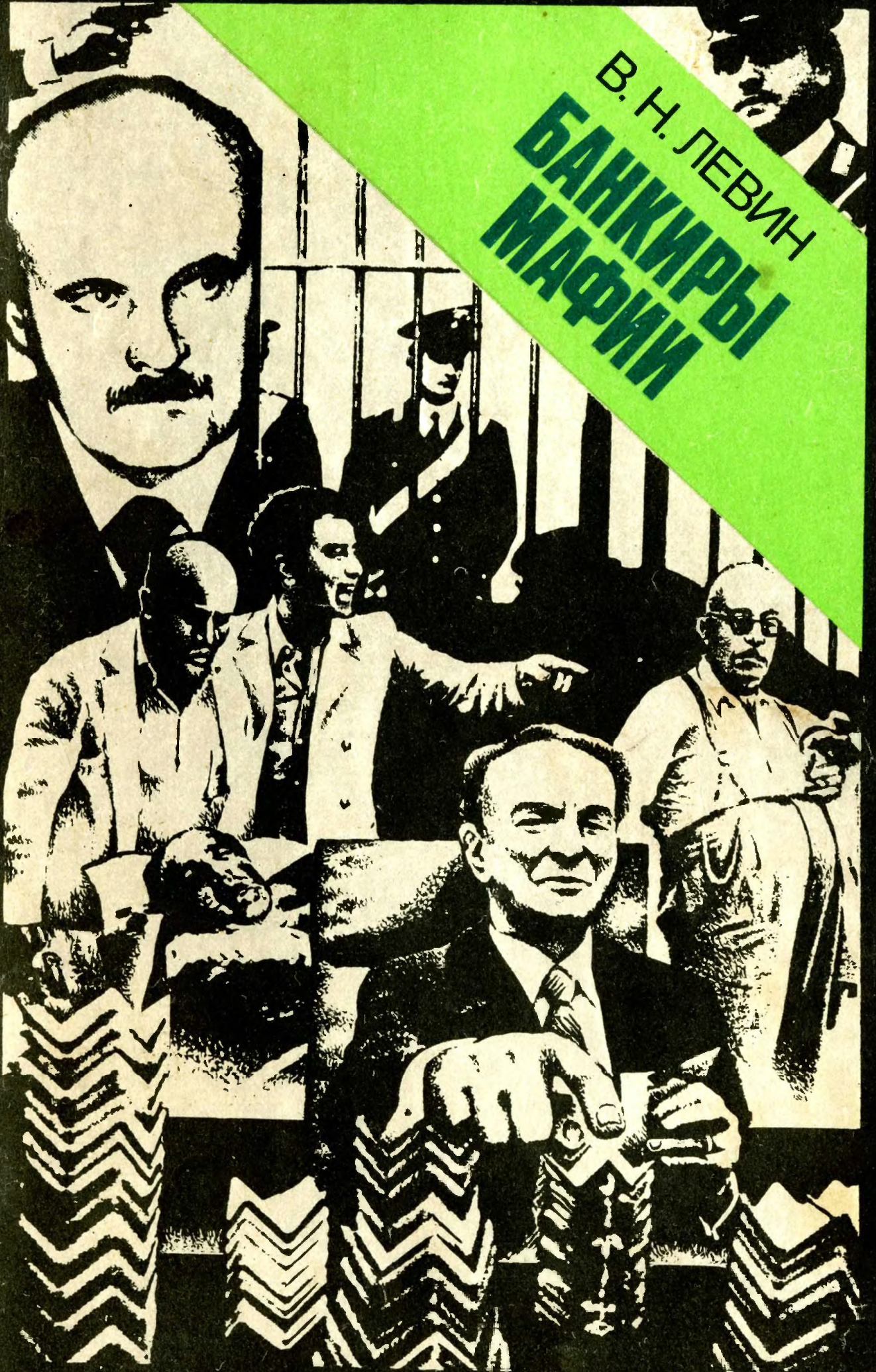


Владыки капиталистического мира

В. Н. ЛЕВИН
**БАНКИРЫ
МАФИИ**



Владыки
капиталистического
мира

В. Н. ЛЕВИН

БАНКИРЫ МАФИИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1986

65.9(4Ит)
Л36

Левин В. Н.

Л36 **Банкиры мафии.**— М.: Политиздат, 1986.— 80 с.—
(Владыки капиталистич. мира).

Автор памфлета — журналист-международник — рассказывает о деятельности итальянских банкиров, и прежде всего «Банко Амброзиано», разоблачает их преступную роль в «отмывании» грязных денег мафии, добываемых ею путем торговли наркотиками, проституции, похищения людей с целью получения выкупа. Автор разоблачает связи банкиров мафии с крайне правыми реакционными силами и показывает политическую подоплеку их альянса.

Рассчитана на массового читателя.

Л 0604040000—045 179—86
079(02)—86

65.9(4Ит)
ЗЗИ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

1. Человек с ледяными глазами

Загадка моста «Черных монахов»

Ранним утром 18 июня 1982 года лондонский почтовый служащий Антони Хантли не спеша шел на работу. Времени в его распоряжении было вполне достаточно, и он даже позволил себе остановиться на мосту Блекфрайерс, чтобы полюбоваться игрой солнца на мутных водах Темзы.

Легкий ветерок рябил поверхность реки, и солнечные блики сверкали на гребешках. При более сильных порывах ветра возникали небольшие волны, и тогда солнечные «зайчики» начинали прыгать.

Антони Хантли, следя за ними, перегнулся через перила. То, что он там увидел, заставило его содрогнуться.

На красном тротуаре под опорой моста болтался труп. Вода то закрывала его по грудь, то, отступая, обнажала по пояс. От этого создавалось впечатление, будто труп шевелится. Приснится такое во сне, в холодном поту проснешься.

Овладев собой, Хантли помчался в полицейский участок. На набережной Виктории он увидел констебля Джона Палмера и бросился к нему.

— Там, под мостом Блекфрайерс... — начал было рассказывать Хантли, но констебль перебил его.

— Видел, — сказал полицейский.

Осмотр трупа производил инспектор уголовной полиции Джон Уайт. Во внутреннем кармане серого пиджака, который, несмотря на продолжительное пребывание в воде, сохранил элегантность, присущую высококачественной одежде, инспектор обнаружил около 20 тысяч долларов и итальянский паспорт на имя Джана Роберто Кальвини. Другие карманы были набиты обломками кирпича и кусками цемента.

«Странно, — подумал Уайт, — никогда не встречал ничего подобного».

Инспектор в который раз внимательно посмотрел на труп и раскрыл паспорт. Ему бросилось в глаза, что на паспортной фотографии у владельца были усы.

— Да это же Кальви! — воскликнул Уайт.

Четырьмя днями раньше по всем каналам Интерпола было передано сообщение из Рима о таинственном исчезнове-

нии президента миланского «Банко Амброзиано» Роберто Кальви и фотография банкира. К его поиску подключились полицейские службы всех западноевропейских государств и Соединенных Штатов Америки. А он вот обнаружился в Лондоне, под мостом Блекфрайерс.

Имя Роберто Кальви и его фотографии за последние годы систематически фигурировали в сообщениях о сильнейших мира сего. С ним общались крупнейшие финансисты. Перед ним заискивали министры, причем не только итальянские. Да что там министры — распорядитель всех ватиканских кредитов президент банка Святого престола — Института религиозных дел епископ Поль Казимир Марцинкус дорожил дружбой с Роберто Кальви. А в Латинской Америке перед ним и некоторые президенты шею гнули. Бывший диктатор Сомоса для перевода награбленных капиталов за границу пользовался исключительно отделением «Банко Амброзиано» в Манагуа.

На снимке той поры Кальви смотрит пронизывающим взглядом. Внешне он неказист. Среднего роста, глянцевитолысый, с черной полоской усов. Несимпатичный тип. Глянул бы и забыл, если б не выразительный жест руки. Этот жест дает импульс памяти. В знаменитом роммовском фильме «Обыкновенный фашизм» аналогичный жест неизменно повторял Муссолини. Вот кого копировал Роберто Кальви!

Ретивые журналисты из миланской газеты «Коррьере делла сера» не жалели красок, расписывая добродетели президента «Банко Амброзиано». На тех, кто не ведал, что не только газета, но и вся фирма «Риццоли», которая ее издавала, лежала в кармане Кальви, панегирики производили сильное впечатление.

В описаниях Кальви представал как неутомимый добросовестный труженик и само олицетворение скромности. Работал от зари до зари. Первым приходил в банк, последним уходил. Даже на обед он тратил минимум времени, проглатывая скромную еду в комнате для гостей, расположенной рядом с рабочим кабинетом. Кроме работы, уверяют барды, его не интересовало абсолютно ничего. У Кальви не было ни яхт, ни вилл. Он не ходил в кино и избегал светских раутов. Только работа. Старание и репутация человека, который умеет держать язык за зубами, и обеспечили ему, как считает лондонская «Таймс», потрясающий успех.

Сказать, что в этих утверждениях совершенно нет правды, пожалуй, нельзя. Ложь лишь тогда можно выдать за истину, если в ней имеются хоть какие-то крупинки действительных фактов.

Роберто Кальви и в самом деле не получил пост президента «Банко Амброзиано» по наследству или в дар. Его путь к высокому креслу был довольно извилист.

Родившись в 1920 году в семье банковского работника, Роберто Кальви в 19 лет начал изучать экономику в Миланском университете. Но получить высшее образование он тогда не смог. Через два года его призвали в армию. Говорят, что у папаша были возможности избежать отпрыска от риска участия в боевых операциях. Но Роберто Кальви, успевший, как истый кавалерист, отпустить усы, рвался в бой. Официальная хроника полка, в котором он служил, в характерном для времен фашизма патетическом стиле зафиксировала «храбрость» старшего лейтенанта Кальви в сражениях на русском фронте.

Кальви никогда не сожалел, что в молодости сделал ставку не на ту лошадь. До последних дней своих он копировал жесты дуче. Первая любовь оставляет глубокий след в сознании. Да и что, по сути дела, для Кальви переменилось после войны? Он вернулся на то самое финансовое поприще, на которое вступил в 1939 году, и принялся делать карьеру.

До поры до времени чрезмерно ревностному офицеру фашистской армии следовало оставаться в тени. Кальви обосновался в небольшом банке в Бари и скромно подсчитывал дебет и кредит. А когда военное прошлое перестало служить компрометирующим фактом, Роберто Кальви перебрался в Милан в «Банко Амброзиано».

В те времена банк еще не был финансовым китом. Так, небольшой паучок, высасывавший деньги из доверчивых богомольцев.

Основал банк в 1896 году по поручению кардинала Андреа Феррари монсеньор Джузеппе Товини. Ему и название дали в честь причисленного к лику святых миланского епископа второй половины IV века Амброзия. Его в Милане высоко чтут и глубоко почитают. Еще в 1609 году кардинал Федерико Борromeо учредил Амброзианскую библиотеку, а через девять лет создал при ней картинную галерею, получившую то же имя. Но то были времена, когда сам воздух был пропитан идеями просвещения. Епископ Амброзий удостоился высочайшей чести быть причисленным к лику святых за создание христианской этики, отразившей суровые взгляды непримиримого гонителя язычников.

Этика, пусть даже христианская, и банковское дело, мягко говоря, не очень-то согласуются друг с другом. Однако капитализм, исповедующий голый чистоган, любые духовные ценности стремится обратить в прибыль. Банкиры под сенью

креста без малейшего труда не только порося обращают в карася, но и финансовые спекуляции выдают за благость.

До самых недавних пор акционеры «Банко Амброзиано» обязаны были предъявлять свидетельство о крещении по католическому обряду и представлять рекомендацию приходского священника. Правление по раз и навсегда заведенному ритуалу завершало работу формулой: «Мы уповаем на защиту божьего провидения».

У Кальви имелись и свидетельство о крещении, и требуемая рекомендация, и вера в провидение, которая без малейшего труда соединяла в одно целое возвышенное божественное с земным мирским.

Основатель банка монсеньор Товини даже физически стремился соединить служение всевышнему с финансовыми интересами. Для нового банка он облюбывал старое здание на Виа Клеричи, расположенное в самом центре квартала финансистов и всего в трех минутах ходьбы от кафедрального собора.

Первое, что лицезрел каждый входящий в банк, была огромная, выше человеческого роста мраморная статуя святого Амброзия. Скульптор изобразил его с плетью в три хвоста в руке, которая, напоминая о методах борьбы епископа с язычниками, была призвана символизировать категорическое неприятие богопротивного зла. Набожные клиенты и служащие банка неизменно склоняли колена перед статуей и осеняли себя крестным знаменем. Ни единого раза не преступил через этот ритуал и Роберто Кальви.

Начинал Кальви скромно. Когда в 1947 году его приняли на службу, он получил место рядового сотрудника. «Таймс» утверждает, будто Кальви взяли мальчиком на побегушках. Но это уже столь гиперболично, что не имеет ничего общего с истиной. Очень скоро Кальви сумел перебраться в генеральный секретариат банка, и тут-то начали раскрываться его способности.

Директор банка тех лет Карло Алессандро Канези был старомодным финансистом. Все самые важные данные он вносил в потрепанную записную книжку, с которой не расставался никогда.

Непосвященному эта книжка мало бы что сказала. Кроме цифр, в ней ничего не было. Канези умел держать тайны в секрете, пусть и допотопными методами. Но он отнюдь не был чужд понимания духа времени. Канези полностью отдавал себе отчет, что для преуспевания нужно «уметь вертеться», и именно за такое умение он ценил Кальви и возвышал его. В 1971 году Канези возвысил его до положения

второго человека в банке. А вскоре, когда Канези ушел на пенсию, Роберто Кальви стал президентом банка. «Банко Амброзиано» оказался под его контролем, и тут-то он развернулся во всю ширь.

Стены старого здания на миланской Виа Клеричи банку стали тесны. Вскоре он стал создавать дочерние предприятия за пределами Италии, где можно было более выгодно поместить капиталы.

Всего за десять лет третьеразрядный «Банко Амброзиано» раскинул сеть от Гонконга, где возник банк «Амбро-Азия девелопмент» до «Банко Амброзиано де Америка дель Сюд» в Буэнос-Айресе. И если гонконгский филиал представлял собой первый форпост на азиатском континенте, то банк в столице Аргентины закреплял последующее широкое проникновение в Латинскую Америку. «Банко Амброзиано» имел отделения на Багамских островах, в Перу, Бразилии, сомосовской Никарагуа. Он сумел пустить корни и в цитадели империализма — в Соединенных Штатах Америки. В Вашингтоне Кальви создал «Банко Амброзиано сервис корпорейшн», а в Нью-Йорке — «Ультрафин интернэшнл».

Густая паутина, которую ткал миланский паук, опутала и европейские финансовые центры. «Банко Амброзиано холдинг» в Люксембурге был зарубежным первенцем Кальви. По иронии судьбы там же, в Великом герцогстве, он сделал и последние капиталовложения, создав «Амброзиано сервис». В период между появлением на свет этих финансовых отпрысков Кальви «наштамповал» филиалы в Женеве, Цюрихе, Париже, Лилле, Лугано. Оспенной сыпью отделения «Банко Амброзиано» усеяли Италию. В Милане Кальви основал «Ла централе финансиарио дженерале», «Интербанк» и еще шесть отделений под другими названиями. В Риме и Турине появились по два филиала, в Варезе и Виченце — по одному. В общей сложности амброзианский сюзерен заимел 37 вассалов, каждый из которых отнюдь не был слабосильным. В 1970 году, отмечает бесстрастная статистика, «Банко Амброзиано» имел вкладов на 500 миллиардов лир. В конце 1981 года на его счетах, включая филиалы, лежало 14 триллионов лир. Ни один частный банк Италии не шел с ним в сравнение.

Обретая финансовое могущество, Кальви укреплял свои позиции и в политической сфере. Сначала он приобрел большинство акций издательства «Риццоли», чтобы заполучить принадлежащую ему крупнейшую миланскую газету «Коррьере делла сера», а потом стал скупать печатные органы и в розницу и оптом. И чем больше Кальви покупал газет,

тем громче пелась ему хвала. В наше время газеты в капиталистических странах не всегда приносят доход, но хитроумный делец — а Кальви в изощренности ума не откажешь — прекрасно понимал, что и молва стоит денег.

Как же достиг всего этого Кальви? Ведь алчных хищников, рвущих один у другого добычу, в мире капитала полным-полно. Респектабельные господа в элегантных костюмах и в безукоризненно белоснежных сорочках с неизменно вежливой улыбкой на устах безжалостно вонзают нож в спину соперника.

Трещат и рушатся банки, создававшиеся веками. А тут вдруг выскакивает никому не ведомый Роберто Кальви и, опираясь на скромный по мировым стандартам «Банко Амброзиано», раскидывает сеть на полмира.

— Банк был его единственной страстью, — уверяет один из оплаченных бардов. — Кальви не жалел сил, и в этом основа его преуспевания.

Его звали человеком с ледяными глазами. У него был холодный алгебраический ум и бесчувственное сердце, не способное на эмоции. Он не был предрасположен к дружбе. «Это был бухгалтер миллионов, бесстрастный, без улыбки на лице, — писала о Кальви римская газета «Темпо». — Он жаждал только власти».

Кальви не мог не отдавать себе отчета в том, что поле, на которое он вступил, на котором жаждал пожать лавры триумфатора, начинено минами. Свой автомобиль он оборудовал пуленепробиваемыми стеклами и бронированными дверцами. На коротком пути от банка до дома его неизменно сопровождала целая команда телохранителей. Знал, с кем дело имел.

— Роберто Кальви, — писал уже после смерти банкира западногерманский журнал «Шпигель», — не был щепетилен при выборе партнеров.

Ожеговский словарь русского языка определяет понятие «щепетильный» как строго, до мелочей последовательный и принципиальный по отношению к чему-нибудь человек. Пример, поясняющий определение, непосредственно касается нашего предмета — «щепетилен в денежных делах».

Это не про Кальви. Банкир и щепетильность — понятия несовместимые. Все равно что затхлое болото и цветущий сад. Миллион против одного, что щепетильных банкиров просто-напросто не бывает. Те, кто ворочает финансами, щепетильности не ведают. Вопрос только в степени пренебрежения этим качеством.

У Кальви степень была высокая. Сказать максимальная — значило бы обелить других хищников, ибо при всех условиях Кальви — птица не самого высокого полета. Есть и повыше. Тот же его дружок и напарник Микеле Синдона, который в 1969 году заключил с Кальви тайный пакт о сотрудничестве. Свел их еще один банкир, который отличается от всех других тем, что носит сутану. Этот банкир — президент ватиканского Института религиозных дел, или ИОР, как именуют банк по первым буквам латинского названия, епископ из Чикаго Поль Казимир Марцинкус.

Банкир в сутане

В Ватикане американец Марцинкус обосновался еще во времена понтификата папы Павла VI. Институт религиозных дел был создан в 1942 году для сборов «обола св. Петра», как называют пожертвования верующих в казну Ватикана. Согласно уставу, банк юридически независим от ватиканского государства и папского престола и самостоятельно распоряжается своими доходами и расходами. Павел VI централизовал финансовые дела Ватикана, учредив префектуру по экономическим делам Святого престола, которая выполняет функции министерства финансов. Не во всяком крупном государстве финансовые ведомства обладают таким могуществом, каким обладает Ватикан. Его с полным основанием называют одним из крупнейших финансовых центров Запада. Еще в конце 70-х годов английский журнал «Экономист» оценивал стоимость акций и прочей собственности Ватикана в 10 миллиардов долларов, американский журнал «Тайм» в то же самое время писал о 20—30 миллиардах. В 1982 году западногерманский журнал «Шпигель» называл уже сумму в 50—60 миллиардов долларов. Достоверно известно, что Ватикан владеет акциями многих итальянских и зарубежных компаний, занимающихся торговлей недвижимостью, производством пластмасс, электронной техники, цемента, химикалиев и так далее и так далее вплоть до производства туалетной бумаги.

В погоне за доходами Ватикан закрывает глаза даже на собственные догмы. Доктор исторических наук И. Р. Григулевич в книге «Папство. Век XX» приводит курьезный пример. Оказывается, фирма «Институт фармакологической серано», в которой участвует Ватикан, осуждающий применение противозачаточных средств, во имя прибыли производит и противозачаточные таблетки. Деньги сраму не ведают.

Первым министром финансов, президентом префектуры по экономическим делам папа Павел VI назначил кардинала Ваньоцци. Итальянец по происхождению, он за долгие годы службы апостольским делегатом в Вашингтоне подружился не только с американским кардиналом Спеллманом, но и с крупнейшими воротилами финансового мира.

Вскоре председателем наблюдательного совета Института религиозных дел стал епископ из Чикаго Поль Марцинкус, имеющий далекое от святости прозвище «гориллы».

Говорят, что прозвище ему дали за внешний вид. Крепко сбитый мужчина ростом 1 метр 90 сантиметров производит внушительное впечатление. При папе Иоанне Павле II он выступает в роли не только банкира, но и телохранителя. Он неизменно маячит рядом с папой, когда тот появляется на публике. Вот только в момент покушения турецкого неонациста Агджи на папу Марцинкуса рядом не было.

«Оболом св. Петра», который в одних США дает Ватикану до 4 миллионов долларов, Марцинкус ограничиваться не желал. Ему было мало и 30 миллионов долларов, ежегодно собираемых в епархиях, и тех тайных пожертвований, которые текут в казну Ватикана.

— У церкви есть мирские обязанности, и она не может обойтись без денег, — оправдывал Марцинкуса епископ Рурской епархии Франц Хенгсбах.

— Невозможно поддерживать церковь только молитвами, — говорил сам Марцинкус.

Председатель наблюдательного совета Института религиозных дел, утверждавший, что у него «нет опыта в банковском деле», действовал с изворотливостью многоопытных швейцарских банкиров и преуспел настолько, что журнал «Ньюсуик» стал называть его «римским гномом» по аналогии с «цюрихскими гномами».

Марцинкус обеспечил связь между Ватиканом и крупными американскими финансовыми группами. Епископ перевел из Италии в США 5 триллионов лир. Сократив свои капиталовложения в крупных итальянских компаниях «Поцци», «Кондотте», «Имобильяре» и других, Ватикан вложил извлеченные средства в «Чейз Манхэттен бэнк», компании «Вестингауз», «Колгейт», «Проктэр энд Гембл».

Явно по совету заокеанских друзей из финансовых сфер Марцинкус переориентировал направленность экономической деятельности Ватикана. Если раньше Ватикан вкладывал средства в основном в промышленность и строительную индустрию, то теперь резко увеличились его капиталовложения в банковское дело. В наше время и средства здесь быстрее

оборачиваются, и доходы выше. Институт религиозных дел решил не оставаться в стороне от выгодных дел. В 70-е годы Ватикан вышел на широкую валютно-финансовую арену и занялся крупными операциями, требовавшими привлечения огромных ресурсов.

Своим посредником для ведения дел с мирскими банками Марцинкус избрал давно снискавшего благоволение церковников, тесно связанного с мафией сицилийца Микеле Синдону.

Внешне он был полной противоположностью епископу. Худощав, невысок ростом. Рядом с Марцинкусом выглядел совсем не презентабельно. Так, бледная тень. Но в финансовых делах Синдона ничем не уступал могущественному президенту ИОР. Не было такой махинации, которую бы он упустил из виду. Особенно привлекали его запрещенные итальянским законодательством перемещения капиталов за границу.

Трудно сказать, кому из них первому — Марцинкусу или Синдоне — пришло в голову взять в компаньоны Кальви. Епископ знал его по финансовым связям с «Банко Амброзиано», а Синдона заметил Кальви на миланской бирже. Так или иначе, но план вовлечь Кальви в компаньоны был выработан, и Марцинкус приступил к его осуществлению.

Сговор состоялся в рождественский вечер на римской квартире адвоката и банкира Умберто Ортолани. Синдона при молчаливом одобрении Марцинкуса обещал Кальви через Ватикан помочь ему стать главой «Банко Амброзиано» (такая поддержка, естественно, действует эффективнее, чем самое упорное прилежание), а Кальви в свою очередь взял обязательство содействовать Синдоне в незаконном перемещении капиталов.

Соглашение благословил присутствовавший там же Личо Джелли, магистр масонской ложи «Пропаганда-2». При этом он не ограничился ролью безмолвного свидетеля, а в свою очередь посулил обоим банкирам необходимое прикрытие на политической арене через правящую партию.

Так, в вечер, когда верующие возносят хвалу чуду рождения божьего сына, в доме Ортолани был заключен преступный союз, в котором соединились мафия, масоны, частные банки и ватиканский епископ.

С того вечера и начался стремительный, как полет ракеты, взлет Кальви. Он вышел на орбиту успеха и уверовал, что так будет всегда. Но взрыв, вызванный разоблачением масонской ложи «П-2», не только свалил демохристианское прави-

тельство А. Форлани, но и ударил по Кальви. Мало того, что банкир лишился могущественного покровителя в лице магистра ложи «П-2». Властям стали известны его темные делишки, и приговор не заставил себя долго ждать — летом 1981 года за незаконный перевод в швейцарские банки 27 миллиардов лир суд решил отправить Кальви на 4 года в тюрьму и оштрафовать на 16,6 миллиарда лир.

Садиться за решетку никак не входило в расчеты Кальви. Он лучше, чем кто-либо другой, знал, что раскрытое на суде — это даже не верхушка, а самая макушка «айсберга» незаконных махинаций. В создавшейся ситуации необходимо было как можно тщательнее замести следы.

Не успел судья огласить обвинительный приговор, как тут же было объявлено о подаче адвокатами Кальви апелляции, что означало предоставление банкиру свободы до вступления решения суда в силу.

Все это произошло с такой быстротой, что даже издавшие виды репортеры судебной хроники пришли в изумление. Секрет раскрыл год спустя итальянский журнал «Панорама». «Когда летом 1981 года, — писал он, — миланские судьи стали поднимать крышки над кипящими кастрюлями «Банко Амброзиано», Кальви нашел себе главных защитников не в коллегии адвокатов. Он получил больше, что заключалось в комбинации трех тузов, состоящей из секретарей трех крупнейших партий правительственной коалиции: христианско-демократической, социалистической и социал-демократической».

Свобода рук была Кальви крайне необходима.

Кальви предпринял попытку обновить фасад банка, придать ему бóльшую респектабельность. С этой целью он уговорил пользующегося высоким авторитетом главного управляющего концерна «Оливетти» Карло Бенедетти купить солидную часть пая «Банко Амброзиано» и стать вице-президентом банка. В политическом плане Бенедетти слыл независимым, а кроме того, за ним прочно закрепилась репутация умелого врачевателя «хворающих» предприятий. Для Кальви Бенедетти в качестве вице-президента «Банко Амброзиано» мог служить идеальной вывеской и надежным щитом. Однако президент банка просчитался. Бенедетти не собирался играть роль подставной фигуры, а Кальви отнюдь не намеревался посвящать его в свои тайны. Когда же Бенедетти стал настойчиво требовать ввести его полностью в курс дела, Кальви прибег к запугиванию.

— Учти, — сказал он промышленнику, — в Риме кое-кто из ложи «П-2» готовит на тебя досье.

Бенедетти рассердился и хлопнул дверью. Не прошло и двух месяцев со времени заключения сделки, как он вернул пай и сложил с себя обязанности вице-президента. Украсить его именем вывеску «Банко Амброзиано» Кальви не удалось. Это было неприятно, но не трагично. Значительно важнее было залатать гигантскую пробоину в бюджете «Банко Амброзиано» — долг в 1 миллиард 400 миллионов долларов. Денег этих не было, и Кальви пал в ноги Марцинкусу.

Президент Института религиозных дел по причинам, которые ведомы ему одному, с готовностью принял удар на себя. 27 августа 1981 года несколькими месяцами раньше осужденный за стопроцентно доказанное нарушение валютных законов Роберто Кальви получил из рук епископа бумагу, которая практически отпускала его грехи эффективнее, чем все средневековые индульгенции. На официальном бланке Института религиозных дел Марцинкус дал гарантийный чек на всю означенную сумму.

Официальная бумага с ватиканским гербом не только успокоила начавших волноваться кредиторов, но и дала возможность Кальви получить новые займы на сумму 200 миллионов долларов.

Он сам был уверен, что сумел схватить фортуна за шлейф. В письме Марцинкусу наряду с благодарностью за предоставленные гарантии Кальви подчеркивал, что «можно считать согласованным, что ИОР обеспечивает любой ущерб или любое бремя, которое может возникнуть».

Письмом Марцинкуса Кальви явно рассчитывал заткнуть рот критикам в правлении собственного банка.

Но то была его лебединая песня. Тучи над «Банко Амброзиано» приобретали грозовой оттенок.

Первая молния сверкнула 31 мая 1982 года. Кальви получил пространное письмо из Итальянского банка, в котором в ультимативной форме содержалось требование объяснить, каким образом у «Банко Амброзиано» образовался гигантский долг. Кроме того, на правах центрального банка Итальянский банк рекомендовал созвать административный совет, который давно не собирался. Кальви почувствовал, что почва уходит из-под ног. А когда на административном совете большинство отвергло его попытку отказаться дать ответ Итальянскому банку по поводу долга, Кальви понял, что его дело плохо.

А тут еще обрушился удар с другой стороны. Даже не удар, а серия ударов, которыми опытный боксер повергает наземь открывшегося соперника.

21 июня Кальви должен был предстать в качестве обвиняемого на процессе в кассационном суде по делу о незаконном вывозе за границу 27 миллиардов лир. В Милане против него были начаты два процесса по обвинению в мошенничестве. В Риме ему предстояло держать ответ на пяти судебных процессах, разбиравших мошенничество, коррупцию, нарушение закона о финансировании политических партий.

Четырьмя годами раньше ситуация тоже складывалась не лучшим образом. Группа инспекторов по наблюдению за банками, просидев семь месяцев на Виа Клеричи, переворотив гору документов, составила пятисотстраничный доклад о махинациях Кальви по перемещению валюты. Следственные органы дали ему ход. Кальви пришлось пережить немало неприятных моментов. Но все обошлось. Так случилось, что миланского прокурора Эмилио Алессандри, приступившего первым к изучению афер Кальви, вскоре убили террористы. Его преемник Лука Миччи не успел вникнуть в суть, как получил нагоняй (как выяснилось, абсолютно незаслуженный) за нарушение служебной тайны и приказ передать дело в другие руки. А когда оно попало в службу контроля за уплатой налогов, то стало тихо покрываться пылью. Политические друзья и покровители раскрыли над Кальви спасительный зонтик.

Но на этот раз помощи не было. Роберто Кальви стало ясно, что время его ушло. И тогда, заручившись фальшивым паспортом, он пустился в бега, которые окончились под мостом Блекфрайерс.

Так писали газеты по всей Западной Европе и в США. И ни одна из них не поставила вопрос, который, казалось бы, лежит на поверхности: почему епископ с легкостью необычайной дал гарантийное письмо? Ведь в финансовом мире дружба дружбой, а табачок врозь.

Суть заключается в том, что через «Банко Амброзиано» Кальви проворачивал и дела Марцинкуса. Но ИОР в своей валютно-финансовой деятельности оказался, как отмечает профессор Н. Ковальский в статье «За кулисами экономики Ватикана», на стыке межимпериалистических противоречий. Институт религиозных дел в результате переориентации финансово-экономической деятельности был крепко привязан к американской валютной системе, к доллару. А с другой стороны, в силу своих старых экономических связей с Западной Европой, и прежде всего с Италией, он обязан был учитывать также интересы западноевропейских банков. И как только противоречия между долларом и западноевропейскими

валютами обострились, «Банко Амброзиано», через который действовал «в миру» Марцинкус, оказался сдавленным так, что стены затрещали.

Вскоре выяснилось, что Марцинкус был членом правления «Амброзиано оверсиз лимитед», дочернего филиала «Банко Амброзиано» в столице Багамских островов — Нассау, через который были оформлены сомнительные кредиты. После смерти Кальви Марцинкус поспешно вышел из правления, но вопрос из-за этого отнюдь не потерял остроты.

Следственный отдел миланской полиции попытался пролить на него свет. Полтора месяца спустя после гибели Кальви он направил епископу и двум светским управляющим Ватиканского банка Луиджи Меннини и Пеллегрини де Стробелю письма с предложением дать показания в связи с финансовым скандалом вокруг «Банко Амброзиано». Однако эти письма до адресатов не дошли. Ватиканский государственный секретариат нераспечатанными отправил их посольству Италии при Святом престоле с указанием, что послания такого рода, а содержание их было известно, должны направляться «по дипломатическим каналам».

Тогда трое должностных лиц, назначенных Итальянским банком для того, чтобы принять дела «Банко Амброзиано» после смерти Кальви, посетили Марцинкуса в его конторе в Институте религиозных дел.

На все вопросы епископ отвечал однозначно.

— Я сделал только то, о чем попросил Кальви, — несколько раз повторил Марцинкус. А когда представители Итальянского банка заявили, что такой ответ их не удовлетворяет, Марцинкус указал им на дверь.

— Я не обязан отвечать на вопросы итальянских властей, поскольку они не имеют юрисдикции над банком, расположенным на территории Ватикана, — бросил в спину уходивших президент ИОР.

Полтора года спустя прокуратура предприняла еще одну попытку побеседовать с Марцинкусом в связи с павшими на него подозрениями в растрате средств компании, принадлежавшей крупному промышленнику Карло Пезенти, который был членом правления «Банко Амброзиано». Прокурор Луиджи Фенициа хотел выяснить, почему заем в 50 миллиардов лир, предоставленный Институтом религиозных дел компании «Италмобильере» в 1972 году, был возвращен только семь лет спустя, да еще в трехкратном размере — в сумме 160 миллиардов лир.

Однако прокурору и весной 1984 года побеседовать с Марцинкусом не удалось. Ватикан занял глухую защиту.

— Лишь папа Иоанн Павел II мог бы пролить свет на отношения между «Банко Амброзиано» и ИОР,— заметил министр казначейства, христианский демократ Беньямино Андреатта.

Но папа не проявил такого намерения, а его окружение приложило немало сил, чтобы вообще снять этот вопрос.

— Скандал существует больше на страницах печати, чем на самом деле,— изрек кардинал из Филадельфии Джон Крол, так же как и папа, поляк по национальности.

И хотя вопрос о финансах в связи с крахом «Банко Амброзиано» стоял даже на обсуждении секретной коллегии кардиналов, епископ из Чикаго продолжает оставаться во главе Института религиозных дел. Говорят, Марцинкусу благоволит папа. Как сообщали газеты «Вашингтон пост» и «Лос-Анджелес таймс», большую поддержку епископу оказал посол США в Ватикане У. Уилсон.

А. С. Маджистер, автор книги «Политика Ватикана и Италия», убежден, что причины «непотопляемости» Марцинкуса заключаются в том, что он является главой своеобразного секретного ватиканского казначейства, сформированного в последние годы, а его пост президента Института религиозных дел служит официальным прикрытием. Но уж коль скоро ему ведомы и подвластны финансовые тайны ватиканского двора, позицию Марцинкуса можно считать весьма прочной. К тому же есть основания полагать, что он знает не только финансовые секреты.

В 1984 году в Англии вышла наделавшая много шума книга «Именем бога» исследователя Дэвида Яллопа. Автор высказывает предположение, что папа Иоанн Павел I, скончавшийся 28 сентября 1978 года, через 33 дня после того, как был провозглашен римским первосвященником, умер не от инфаркта, как гласила официальная версия, а был отравлен. На основании собранных доказательств, пишет Д. Яллоп, можно заключить, что Иоанн Павел I нагнал страху группировкам в Ватикане, замешанным в финансовых аферах «Банко Амброзиано» и тесно связанным с масонской ложей «П-2». Открыто объявив о намерении покончить с коррупцией, он противопоставил себя могущественному лобби внутри Ватикана. Этим, по мнению Д. Яллопа, Иоанн Павел I подписал себе смертный приговор. Его убили при помощи сильнодействующего препарата для стимулирования работы сердца; практически не оставляющего следов.

Ватикан, естественно, тут же назвал утверждения Д. Яллопа вымышленными и абсурдными, но автор уверяет, что имеет веские доказательства.

Прав автор книги «Именем бога» или не прав, судить не просто. Но то, что и после краха «Банко Амброзиано» перемен в управлении ватиканскими финансами не произошло, остается непреложным фактом. Ни недовольство многих кардиналов, которые в махинациях Марцинкуса обоснованно усмотрели серьезный моральный ущерб для католической церкви, чреватый сокращениями пожертвований, ни гнев тысяч мелких вкладчиков «Банко Амброзиано», оставшихся с пустыми руками (газета «Унита» подсчитала, что 26 тысяч человек потеряли то небольшое, что удалось скопить за долгие годы труда), ни угрозы нанятого ограбленными рабочими-католиками и монахинями адвоката Джузеппе Мельци потребовать ликвидации Института религиозных дел как иностранной торговой фирмы, нелегально действующей в Италии, не поколебали положения Марцинкуса. Тучи, грозившие бурей, прошли стороной.

Несмотря на гарантии, данные в письме на имя Кальви, ИОР и слышать не желал об уплате долга в 1 миллиард 400 миллионов долларов.

— Мы сами жертвы махинаций Кальви, — опутив очи долу, утверждают в Ватикане.

В начале 1984 года ИОР неожиданно дал согласие на выплату 241 миллиона. Дескать, в порядке жеста доброй воли. Но это решение породило еще больше вопросов.

По данным еженедельника «Фамилья кристиана», на заседании Совета кардиналов по изучению организационных и экономических проблем Святого престола в марте 1985 года некоторые кардиналы задавали вопрос, почему же ИОР решил заплатить 241 миллион долларов, хотя до этого заявлял о своей полной непричастности к делам «Банко Амброзиано». Что ответил кардинал Казарелли, которому был адресован вопрос, еженедельник не сообщает. «В то же время, — писал «Фамилья кристиана», — ничего не известно о реформе ИОР, хотя об этом говорят уже давно».

Институт религиозных дел, как сообщал журнал «Мондо экономико», решительно протестовал против ликвидации финансового детища Кальви. Правда, безуспешно. Декретом министра казначейства Италии «Банко Амброзиано» перестал существовать. Вместо него создали кредитное учреждение «Новый амброзианский банк», гарантами которого стали семь частных и государственных банков. В апреле 1985 года «Новый амброзианский банк» слился с дочерним финансовым обществом «Чентрале». Новорожденного нарекли «Нуово банка», то есть «Новый банк». Выпадение прилагательного «амброзианский», очевидно, объясняется стремлением как

можно плотнее закрыть печальную страницу в истории банка, написанную Кальви. «Новый банк» вобрал вклады на сумму 8 тысяч миллиардов лир. У него более 300 филиалов только на севере Италии. Могущество есть, и о Кальви ничто не напоминает.

Махинации, которые привели Кальви к гибели, Марцинкусу сошли с рук, так же как и его прежние прегрешения, совершенные вкупе с Синдоной. Ведь были же сведения о том, что Синдона продал Кальви две компании за сильно вздутую цену, причем в рамках этой сделки 5,6 миллиона долларов в качестве «комиссионных» достались «американскому епископу», под которым подразумевался Марцинкус, и «миланскому банкиру», то есть самому Кальви.

Они повсюду были вместе, словно сиамские близнецы. За тесные связи с Ватиканом Кальви, как до него Синдону, даже называли «банкиром бога».

Однако, какие бы чувства ни питал Марцинкус к Кальви, он вряд ли просто так, «за здорово живешь» мог взять на себя едва ли не полуторамиллиардный долг. Но даже год спустя, когда вдова банкира вслух произнесла, что гарантийное письмо означало расписку за полученные деньги, ее слова не были услышаны.

Не вызвало соответствующей реакции и заявление Клары Кальви о том, что подлинным хозяином «Банко Амброзиано» был все тот же Поль Казимир Марцинкус.

— Институту религиозных дел принадлежат шестнадцать процентов акций банка, — утверждала Клара Кальви.

Нечто подобное говорил и сам Кальви, когда его допрашивали по делу о валютных операциях.

— Попытайтесь понять: я последняя спица в колеснице. «Банко Амброзиано» принадлежит не мне. Я нахожусь на службе другого, — клялся Роберто Кальви.

Но на прямой вопрос: кому же в таком случае принадлежит банк — он ответа не дал.

— Больше я ничего не могу вам сказать.

Когда Марцинкусу задали щекотливый вопрос, как он расценивает утверждения Клары Кальви, архиепископ отрезал:

— Плод фантазии и прискорбной выдумки.

Епископ, как щитом, закрылся официальными данными. Согласно им, доля Института религиозных дел в «Банко Амброзиано» исчисляется крохотной величиной — 1,58 процента. Но официальные данные сплошь и рядом не раскрывают, а скрывают истину.

— Доля Ватиканского банка, — подтверждал слова матери сын Роберто Кальви Карло, — составляет 16 процентов.

Отец, находясь в тюрьме, через меня обращался к монсеньору Марцинкусу с просьбой позволить раскрыть секрет, надеясь, что это снимет все вопросы судей, но Марцинкус ответил категорическим отказом. На предстоящем апелляционном процессе в Риме мой отец собирался рассказать все, что знал, назвать имена всех лиц, замешанных в комбинациях «Банко Амброзиано». Это главный мотив, почему он считал, что его жизнь находится в опасности.

— Мой покойный муж, — утверждала Клара Кальви, — ничего не крал. Он сам оказался жертвой обмана со стороны «Опус деи». Я достоверно знаю, что муж намеревался предстать перед апелляционным судом, который был назначен на 21 июня, и хотел назвать имена тех ватиканских деятелей, которые обманули его.

— А вы можете назвать эти имена? — задал вопрос адвокат семьи Кальви Джордж Кармен.

— Я могу сказать только, что речь идет о самой верхушке ватиканской иерархии.

Сдержанность Клары Кальви понять нетрудно. Она и так сказала очень много, с точки зрения весьма могущественных заинтересованных лиц, даже слишком много. Вплоть до показаний вдовы Кальви в лондонском суде известно было лишь о связях банкира с епископом Марцинкусом. А она назвала еще и «Опус деи», которая в последнее время значительно укрепилась в структуре католической церкви.

Генеральный президент международной католической организации «Опус деи» Альваро Дель Портильо утверждает, что главная цель организации заключается в том, чтобы «предоставлять в распоряжение церкви «летучие» отряды священнослужителей и мирян для того, чтобы работать там, где Святой престол считает наиболее важным и срочным». На практике «Опус деи» в первую очередь стремится подчинить своему влиянию интеллигенцию и использовать ее для усиления позиций католической церкви в обществе. Большое внимание она уделяет укреплению экономического могущества церкви. «Опус деи» старается проникнуть в государственный аппарат и общественные организации, в административные советы банков и предприятий и средства массовой информации. Достигается это как путем вербовки новых членов, так и внедрением «своих». Однако даже в ватиканских кругах к «Опус деи» относятся с большой настороженностью. По утверждению итальянского журнала «Панорама», «Опус деи» называют «святой мафией» и «наказанием господним», чтобы дать представление о ее тайном влиянии, об организуемых ею заговорах.

«Сейчас в Ватикане власть «Опус деи» значительно выросла», — делает вывод журнал «Панорама».

«Опус деи» иногда еще называют «Октопус деи». За этой игрой слов просматривается более чем прозрачный намек: «октопус» — это осьминог.

И вот эту организацию Клары Кальви не только назвала вслух, но и обвинила в присвоении тех самых 1 миллиарда 400 миллионов долларов, недостача которых привела к краху «Банко Амброзиано».

Закон джунглей

— В последний период жизни, — говорила Клара Кальви, — мой муж не мог избавиться от страха. Он боялся, он очень боялся за свою жизнь.

— За три недели до смерти, — дополняла дочь Анна, — отец показал мне пистолет, который раньше я у него не видела, и сказал, что, если «они» придут, он убьет их.

В свете этих заявлений мнение итальянского журнала «Эспрессо» приобрело особое звучание. А мнение это таково: «Кальви знал весьма взрывоопасные секреты истории страны последних лет, что могло вызвать страх у многих людей из политического и делового мира. Возможно, что те, кто покровительствовал ему и получал у него деньги, могли счесть Кальви больше ненужным и ликвидировали его».

Журнал высказывает предположение, выдвигает гипотезу, но при этом он руководствуется не полетом безудержной фантазии, а строгой логикой фактов, связанных с деятельностью Кальви, и нравами, царящими в мире наживы. Кальви стал слишком обременительным, легкоуязвимым. Мало того, что он уже не мог приносить пользу тем, кто стоял за его спиной. Кальви мешал. И как только лица, ранее покровительствовавшие ему, сочли его хромой лошадью, которую надо менять, дни банкира были сочтены.

— Многие хотели бы, чтобы Кальви замолчал навсегда, — заявил следователь доктор Артур Гордон Дэвис, представлявший дело о смерти банкира лондонскому суду в июне 1983 года. Эти слова можно считать ключевыми для разгадки тайны гибели Кальви.

Если хрестоматийный театральный герой Труфальдино одновременно был слугой двух господ, Роберто Кальви ухитрялся служить сразу по меньшей мере трем весьма могущественным силам — мафии, масонам и Ватикану. Он был своим среди безжалостных убийц, в кругу тайных вершителей судеб государства и в атмосфере сумрачного величия соборов.

Кальви везде был своим, поскольку олицетворял деньги, которые в буржуазном обществе способны соединить, казалось бы, несовместимое.

Римский император Веспасиан наверняка даже представить себе не мог, какой глубокий смысл вложил он в свое сакраментальное изречение: «Деньги не пахнут». Император хотел всего лишь оправдать введение налога на нужники, а определил весь характер финансовых отношений в мире наживы. Он вперед на века оправдал алчущих злата и не оставившихся в погоне за ним ни перед чем.

Пока все было тщательно укрыто от посторонних взоров, дела Кальви шли блестяще. Но вот одна финансовая операция сорвалась. Следствие по делу масонской ложи «П-2» выявило его причастность к едва ли не самым крупным злоупотреблениям в сфере экономики. Почва стала уходить у него из-под ног. Кальви оказался в положении зверя, которого со всех сторон обложили охотники. В этой ситуации затравленный банкир, спасая себя, мог оказаться не в меру разговорчивым. Он стал опасным. От одной мысли, что мог Кальви рассказать следствию, закулисные правители и амбициозные святоши теряли сон и покой.

И Кальви не стало. Один венский финансист произнес слова, которые обошли всю мировую прессу.

— Слишком многим людям смерть Кальви принесла облегчение, — сказал он.

Один хорошо информированный итальянец, по свидетельству лондонской «Таймс», сделал не менее примечательное замечание:

— Когда Кальви умер, я уверен, по всей Италии было выпито немало бутылок шампанского.

Следует заметить, что в принципе такие заявления, которые делают «один венский финансист», «один хорошо информированный итальянец», вызывают настороженность. Анонимность порождает сомнение в достоверности. Однако в данном случае можно понять, почему оба предпочли не называть своих имен. Будучи уверенными в насильственной смерти Кальви, они прекрасно знают, какие длинные руки у тех, кто с ним расправился, и сочли за благо остаться в неизвестности.

Кальви без труда обходил законы государства, но ему не удалось выбраться из сети преступных связей и неумолимых канонов общества чистогана.

— Роберто Кальви, — заявил адвокат Джордж Кармен, — был убит изощренными уголовными преступниками, действовавшими по заказу.

Знал Роберто Кальви, с кем дело имел. Да и сам был такой же. Его заместитель по правлению «Банко Амброзиано» Розоне твердо убежден, что это Кальви подослал к нему убийцу. В конце апреля 1982 года Розоне едва не стал жертвой террориста-мафиози. Бандит прострелил Розоне ногу, но второй выстрел сделать не успел — стражник банка оказался проворнее. До поры до времени вице-президент предпочитал помалкивать, но, узнав о смерти Кальви, поспешил обвинить его в организации покушения.

— У меня нет никаких сомнений, — заявил Розоне, — что убийцу подослал Кальви. Он знал, что мне известны его темные дела, и явно боялся разоблачения.

Прошло чуть менее трех лет, и миланский суд, рассматривавший дело 12 бывших руководителей и служащих «Банко Амброзиано», установил, что Розоне вместе со своими подручными незаконно переправил за границу десятки миллиардов лир. Суд приговорил Розоне к шести годам тюремного заключения. Так что попытка использовать покушение на него как алиби не удалась. Роберто Розоне в жульничестве не уступал Роберто Кальви. Пожалуй, единственное, в чем Кальви превзошел его, — это жестокость.

Кальви оставлял за собой кровавый след едва ли не до последних минут жизни. Вечером 17 июня душераздирающий крик заставил вздрогнуть всех служащих «Банко Амброзиано». Из окна зала заседаний президиума банка на четвертом этаже во внутренний двор выбросилась личная секретарша Роберто Кальви — Тереза Грациелла Корочер. На письменном столе в приемной нашли оставленную ею записку, написанную красными чернилами: «Какой позор! Пусть будет проклят тот, кто причинил нам столько бед!»

Еще за два месяца до бегства Кальви отправил семью за границу. Жена и сын выехали в Соединенные Штаты Америки, а дочь Анна ждала дальнейших указаний в Швейцарии.

Кальви чувствовал за своей спиной дыхание преследователей. Даже «липовый» паспорт, который он получил от итальянских секретных служб (деталь весьма пикантная), не гарантировал спокойствия. Поэтому он петлял как заяц. Из Венеции вылетел в западногерманский Клагенфурт, оттуда направился в Швейцарию, в Цюрих, и лишь потом перебрался в Лондон.

Роберто Кальви, будучи уже в бегах, несколько раз звонил жене, а с дочерью разговаривал ежедневно. Последний раз это было 17 июня, когда оставшийся отрезок жизни измерялся считанными часами.

— Все будет хорошо, — уверял Кальви.

Трудно представить, что под хорошим исходом он подразумевал смерть.

Когда английские власти пригласили обосновавшуюся в США вдову банкира Клару Кальви прибыть в Лондон для опознания трупа, она ответила решительным отказом.

— Я не хочу стать очередной жертвой, — мотивировала свое решение Клара Кальви.

Не только она, но и судебные органы Италии склонялись к мысли, что Роберто Кальви стал жертвой злодейского преступления. Об этом в первую очередь свидетельствовала элементарная логика. Если бы президент «Банко Амброзиано» хотел покончить с собой, зачем ему надо было отправляться в столь длинный и крайне опасный путь?

Какой факт ни возьми, подозрение в убийстве представляется более убедительным, чем версия о самоубийстве.

Мост Блекфрайерс расположен в непосредственной близости от квартала лондонских банков, но в 7 километрах от отеля «Челси», где укрывался Кальви.

Место гибели привлекло к себе внимание не только в силу этого факта. Блекфрайерс в переводе означает «черные монахи». Оба слова дают прозрачный намек на масонов. Черный — это цвет одежды членов ложи «П-2», а «фрайерами» масоны называют друг друга в своем кругу. О тяготеющих к ритуальной символике «вольных каменщиках» напоминали и обломки кирпичей в карманах серого костюма Кальви, и миниатюрный циркуль, который масоны подкладывают приговоренному к смерти.

Но сами масоны «грязной работой» обычно не занимаются. Для этого к их услугам всегда имеются профессиональные убийцы. Это, как показывает практика, могут быть и неофашисты, и мафиози. В Италии многие резонно считают, что и Кальви стал жертвой мафии.

Было время, когда это пресловутое «онорато сочъета» — «общество чести», как называют мафию ее члены, непременно оставляло на жертве свою визитную карточку. Вырванные и вложенные в кулак глаза означали, что убитый был хорошим стрелком, но убил человека, связанного с мафией. Колючка кактуса опунции, положенная на место бумажника убитого, означала, что мафия наказала одного из своих, который присвоил общественные деньги или доверенные ему вещи. Убитый с кляпом во рту служил предостережением болтливым.

Однако в послевоенные годы, после того как сицилийскую мафию «обогатили» своим опытом вернувшиеся из США заправилы «Коза ностры» и убивать стали порой по два-три

человека в день, романтическую символику отбросили прочь. Да и в расправах над неудобными традиционную лупару, обрез охотничьего ружья, заряженный крупной картечью, заменили мощные взрывные устройства с часовым механизмом и новейшие пистолеты-пулеметы.

Так что если в былые времена отсутствие символики мафии на трупе Кальви могло служить основанием для суждения о ее непричастности к гибели банкира, ныне ни один серьезный следователь так считать не будет. А символика, которая просматривается в связи со смертью президента «Банко Амброзиано» и напоминает о масонах, отнюдь не снимает вопрос о причастности «онорато сочъета».

Если же взять за основу версию о самоубийстве, то за Кальви, который отнюдь не был спортсменом — он не мог осилить даже упражнения утренней гимнастики, — следует признать незаурядные способности акробата: без них просто невозможно подвесить себя к вычурной опоре моста, построенного в стиле барокко. Лондонские следственные органы не стали вдаваться во все двусмысленные детали. Дело о смерти Кальви с поспешностью, отнюдь не лучшим образом характеризующей Скотланд-Ярд, было передано в суд Коронера. Это специфическое судебное учреждение существует только для одной цели: в случае подозрительной смерти оно определяет ее причину, и, если смерть окажется насильственной, дело передается другим инстанциям.

Главным действующим лицом в суде Коронера был патологоанатом профессор Кейт Симпсон. Он заключил, что смерть Кальви наступила вследствие удушья.

— Я, — сказал профессор, — не обнаружил следов, свидетельствующих, что сэр Кальви был повешен другим лицом.

Суд, игнорируя детали, незамедлительно согласился с мнением Симпсона. Вердикт гласил: «Самоубийство».

Однако концы с концами настолько не сходились, что через год лондонским стражам закона по настоянию Клары Кальви пришлось вернуться к делу о смерти банкира.

Вдова банкира сразу же после получения трагической вести назвала убийцей мужа его компаньона Флавио Карбони, который сопровождал его в бегстве. Путаные показания еще одного человека, проделавшего вместе с Кальви путь от Рима до Лондона, — телохранителя банкира Сильвано Виттора усилили эти подозрения. Во время первого разбирательства дела о смерти Кальви Виттор утверждал, будто накануне гибели банкир разговаривал с Миланом и получил сообщение о решении правления «Банко Амброзиано» сместить его с поста председателя.

— Эта вестъ,— живописал Виттор,— повергла Кальви в состояние депрессии. Он лег в постель и сказал, что никуда не пойдет, хотя не ел целый день. Мне надо было уходить, и я покинул его. Больше я Кальви не видел.

Но никакого телефонного разговора с Миланом 17 июня 1982 года у Кальви не было.

— Зачем вы дали ложные показания о собрании правления «Банко Амброзиано»? — спросил Виттора адвокат семьи Кальви Джон Кармен.

— Чтобы защитить Карбони и себя,— ответил Сильвано Виттор.

Бывший мафиози, приставленный к Роберто Кальви в роли телохранителя, выкручивался, как мог, но в результате сомнения в его причастности к смерти патрона лишь возросли.

Английские власти намеревались допросить и Флавио Карбони. Вскоре после смерти Кальви его арестовали в Швейцарии и передали итальянской юстиции, расследующей весь комплекс дел, связанных с «Банко Амброзиано». Старший офицер лондонской полиции Бэрри Тэрбон заявил, что намерен по телексу попросить итальянских коллег задать Карбони ряд вопросов, но получил ли он ответ и если да, то какой, так и неизвестно.

Зато достоянием гласности стал другой факт. Некий Э. Паоли, выступая в специальной парламентской комиссии по расследованию деятельности ложи «П-2», сообщил, что Карбони был очень близок к Джелли и они регулярно поддерживали связь по телефону в тот период, когда Карбони вместе с Кальви находился в Лондоне. Последний телефонный разговор состоялся именно в тот день, когда Кальви исчез из отеля «Челси».

«Не отдал ли тогда Джелли распоряжение о «ликвидации» Кальви?» — ставила вопрос итальянская пресса.

Данных, дающих основание говорить о насильственной смерти Кальви, имелось немало. Лондонский суд признать это все же не отважился. Его вердикт был сформулирован в лучших традициях английского политического лексикона.

— Синьор Кальви,— определили присяжные,— умер от удушья в результате повешения, но у нас нет достаточных данных, чтобы определить, покончил ли он с собой или был убит.

Решение, как видите, напоминает детскую игру, в которой участникам предписывается «да» и «нет» не говорить. Однако по сравнению с категорическим утверждением, сделанным годом раньше, различие налицо. Не вынеся опре-

деленного решения, суд не исключил возможности насильственной смерти.

Тайна моста «Черных монахов» остается нераскрытой. С полной уверенностью можно утверждать одно — Роберто Кальви стал жертвой мира наживы. Он плел паутину для других, а в итоге сам запутался в ней и стал добычей более могущественных хищников.

«Преступление или самоубийство — не столь важно. С большей уверенностью можно сказать, что Кальви устранили могущественные организации, находящиеся на службе самых реакционных кругов политической и финансовой власти», — резюмировала газета «Унита».

Правящий класс регулярно дает повод для скандалов, которые в Италии каждый раз именуют «скандалами века». Редкий год обходится без разоблачений, подобных землетрясению. Скандал «Банко Амброзиано», в котором переплетаются интересы мафии, политических дельцов, масонов, Ватикана и просто уголовников, служит еще одним свидетельством существующей коррупции, полного пренебрежения интересами страны со стороны итальянского правящего класса.

2. «Самый удачливый итальянец»

Фортуны зовут «Мафия»

«Кальви, — считает еженедельник «Эспрессо», — был любимым учеником Синдоны».

В мире алчных и безжалостных стяжателей, где мерилom всего и вся выступают деньги, любовь как чувство сердечной привязанности не существует. Давая такую характеристику, «Эспрессо», очевидно, имел в виду то, что Синдона избрал Кальви своим ближайшим подручным, а тот оказался весьма восприимчивым учеником. Что же касается сердечной привязанности...

Бизнес всегда стремится обойти юридические, да и просто моральные нормы, а банковский, пожалуй, особенно. Уж насколько Кальви был обязан Синдоне, а представился случай, и его обобрать попытался. Стоило Синдоне оказаться на жесткой скамье нью-йоркского суда, как Кальви начал прибираться к рукам итальянское наследство первого банкира мафии. Но Кальви переоценил свои силы. У матерого волка зубы оказались крепкими.

3 ноября 1977 года на стенах домов в банковском квартале Милана появились пестрые плакаты, где перечислялись финансовые махинации Синдоны, в которых непосредственное участие принимал Кальви. В плакатах назывались точные суммы, полученные президентом «Банко Амброзиано» от этих махинаций. Когда Синдона овладел акционерным обществом «Пачетти», способствовавший успеху этого дела Кальви внес на личный счет без малого 7 миллионов долларов. Еще одна сделка, сообщали плакаты, увеличила состояние Кальви на 3 278 689 долларов и 2 цента (финансисты ведут точный счет деньгам).

Обнародование этих данных не доставило Кальви радости. Но еще хуже было то, что в плакатах указывались номера его тайных вкладов в Швейцарии, тех самых, секрет которых он хранил пуще зеницы ока, — 618934 и 619112.

Как позже узнал Кальви, плакат подготовил, размножил и расклеил журналист Луиджи Ковалло. Но кто мог предоставить ему информацию, Кальви было ясно с самого начала. Это мог сделать тот, кто все знал, а таким человеком был Микеле Синдона. Ему терять было нечего, и он нанес коварный удар зарвавшемуся компаньону.

Кальви понял, что допустил грубую ошибку. Он немедленно помчался за океан и пал Синдоне в ноги. Синдона связал его жесткими обязательствами и прекратил кампанию разоблачения. Патрон обоих банкиров Личо Джелли через влиятельных лиц сумел обратить разоблачительные материалы в шутку, и следствие, начавшее было проявлять интерес к плакатам, заглохло, хотя Ковалло успел отправить добытые им сведения шефу ведомства по контролю над банками. В тот раз Кальви отделался легким испугом, но характер его отношений с Синдоной раскрылся полностью.

Стремительная карьера Синдоны, «финансового гения», начиналась за карточным столиком в родном сицилийском городишке Патти в ту пору, когда он был студентом юридического факультета Мессинского университета. Синдона уже тогда слыл непревзойденным мастером блефа в игре в покер.

«Удачлив, смел», — говорили о нем отцы города, собиравшиеся в задней комнате гостиницы «Принчипе ди Наполи», где на зеленом сукне разыгрывались хоть и бескровные, но жестокие баталии. И те, кто выигрывал, и те, кто оказывался внакладе, не только прочили Синдоне успех на поприще адвоката, но и охотно прибегали к его юридическим советам.

Можно с полным основанием сказать, что он был ловким парнем, из числа тех, кто не преминет ухватить за хвост фор-

туну. Синдона и в самом деле не упустил шанс, который дала ему американская оккупация Сицилии.

По официальной версии, услужливо подхваченной буржуазной печатью, Синдона купил у американцев списанный грузовик и стал развозить на нем для продажи овощи. Поскольку его знали все, у кого водились деньги, дела тут же пошли в гору и принесли тот самый капитал, который позволил развернуться.

Но вот какой возникает вопрос: почему именно Синдоне американцы продали в высшей степени дефицитный в то время грузовик? Этот факт можно было бы объяснить, сославшись на «его величество случай», если бы такой «случай» был единственным. Но он повторялся, и не раз. В 1971 году, как свидетельствует журнал «Панорама», ЦРУ продало свою газету «Дейли америкэн», издававшуюся в Риме, тому же Синдоне. Сделку не только благословил, но и горячо поддерживал тогдашний посол США в Италии Грэхем Мартин. А его преемник — Джон Вольпе — за «значительный вклад в упрочение дружбы и экономических отношений между Италией и Соединенными Штатами» удостоил Синдону титула «человек 1973 года».

Грузовичок американской армии подкатил к Синдоне вовсе не случайно. Ему составил протекцию знаменитый гангстер Лаки Лючано, тот самый, который был доставлен из нью-йоркской тюрьмы, чтобы, опираясь на местную мафию, подготовить высадку американских войск.

— Этот человек будет полезен, — сказал Лючано американцам, и благодеяние свалилось на голову Синдоны.

С тех пор он служил не только мафии, но и американской разведке, вскоре преобразованной в ЦРУ. Потом извилистые пути закулисной политики привели его к масонам и демохристианам.

Начиная свою карьеру, Синдона придерживался принципа: «Предприятия покупают лишь для того, чтобы потом с выгодой продать их». В просторечии, которое отбрасывает словесные покровы и обнажает суть явлений, такие действия именуется спекуляцией. Но в мире капитала не любят резких слов. Спекулянт может оказаться только неудачник. Тот же, кто успешно проворачивает сомнительные делишки, вызывает восторг и поклонение. Американский журнал «Тайм» восхвалял Синдону как «самого удачливого итальянца со времени Муссолини». Про итальянскую буржуазную прессу и говорить не приходится — она от избытка чувств захлебывалась словами.

Почитаешь иной панегирик в честь Синдоны, и склады-

вается впечатление, что у капризной фортуны большего любимчика никогда не было. О том, как американцы продали Синдоне грузовик, уже говорилось. Потом его одарила благосклонностью владелица одного из самых крупных на Сицилии состояний — Марчеза Бизоньи. «Аристократка, — пишет «Штерн», — была так очарована темноглазым 25-летним поклонником, что доверила ему распоряжаться всем своим имуществом».

За красивые глаза, стало быть. А он, «темноглазый», в оборот пустил денежки, использовал как первоначальный капитал. Как только Синдона прочно встал на ноги, он незамедлительно отправился в финансовую столицу Италии — Милан. В кармане у него были не только деньги, но и рекомендательное письмо от епископа Мессины. Синдона и прелата обворожил.

А может, все было проще? Ведь ни один богач на Сицилии без мафии не обходится. Больше того, в XIX веке именно они, латифундисты, трансформировали мафию из крестьянской самообороны в тайное орудие своей власти. Тайное и могущественное. Настолько могущественное, что за мафию и церковь горой стояла. Епископ Палермо — кардинал Эрнесто Руффини, который в 50—60-х годах правил Сицилией как вице-король, весь жар своего красноречия пускал в ход, чтобы создать как можно более плотную защитную завесу вокруг мафии.

— Да, — соглашался кардинал, — в отношении гигиены мы несколько отстали, но преступность и нищета у нас такие же, как и в других районах страны. Что же касается упадка нравственности и морали, то на севере с этим дело обстоит куда хуже.

Нет никакой мафии, уверял кардинал, разговоры о ней это злонамеренные выдумки, предназначенные для того, чтобы опорочить почтенных синьоров. Эрнесто Руффини не только сам закрывал глаза на факты, но и другим стремился затмить свет. И отнюдь не по заблуждению.

В 1962 году во дворце правосудия в Мессине судили четырех монахов-капуцинов. Им вменялись в вину организация банды, соучастие в убийстве, в покушениях на убийство, вымогательство. Попросту говоря, «братья» Кармело, Витторио, Агриппино и Венанцио были настоящими мафиози, стопроцентными. Но даже тогда, когда после долгих проволочек их приговорили к длительным срокам тюремного заключения, справедливость не восторжествовала. Верховный суд под давлением церковников отпустил монахам — бандитам все грехи.

Все, что было до появления Синдоны в Милане, с полным основанием можно назвать прелюдией в его жизни. Это было время накопления опыта. Ведь если какой-то неизвестный вдруг пожелает купить банк, выразив готовность выложить соответствующую сумму, то сразу же возникнет множество неприятных вопросов. А в нашем случае все выглядело наилучшим образом. Деловые таланты проявились при торговле овощами. Первоначальный капитал дала возможность обрести Марчеза Бизоньи. Есть рекомендация от епископа.

В Милане Синдона начал с того, что обосновался в фешенебельном отеле «Принчипе де Савойя». Из роскошных апартаментов он повел планомерную осаду финансовой крепости.

В изворотливости Синдоне не откажешь. В первую очередь он позаботился о том, чтобы его имя стало известно всем финансовым дельцам. С этой целью Синдона стал регулярно печататься в экономической газете «Коммерчио ди Ломбардиа». Он взял на себя рискованную, но весьма эффектную роль прорицателя экономической погоды и доброхота-советчика. Многим дельцам его рекомендации казались авантюрными. Другие называли их сомнительными. Однако обостренное чутье у Синдоны было, и в этом скоро убедились даже те, кто относился к нему скептически: прогнозы оправдавались.

В то время многие дельцы на миланской бирже в своих интересах не выходили за пределы Италии. А времена менялись. В перспективе уже вырисовывались контуры экономического сообщества, получившего название «Общий рынок». Молодой хищник Синдона взял след и уверенно шел по нему. Его бег заметно ускорился после того, как он стал действовать вместе с адвокатом Карнелутти, пользовавшимся большим влиянием в деловых кругах Милана. Вместе с Карнелутти Синдона обосновался в одном небольшом банке. А когда Карнелутти стал лишним, Синдона избавился от него и, присоединив еще несколько мелких банков, основал «Банка привата итальяна».

В финансовой крепости Италии Синдона завладел важным бастионом. По соперникам и конкурентам он вел огонь всеми имеющимися в арсенале банковского капитала средствами. Синдона манипулировал учетными ставками, спекулировал на бирже, осуществлял головокружительные аферы с обменными курсами, и каждая операция завершалась удачей.

Каким бы зубастым ни был Синдона, в финансовом море вокруг него плавали не безобидные сардинки, а хищные акулы. Исход борьбы банков решает финансовое могущество.

И если Синдона побеждал соперников, то в первую очередь потому, что опирался на гигантские капиталы мафии.

Укрепившись в «Банка привата итальяна», Синдона пошел на приступ «Банка унионе». Соппротивление было недолгим. Потом Синдона завладел банками «Аминкор» и «Фино» в Швейцарии, «Вольф» в ФРГ... Он стал партнером крупнейших финансовых компаний Лондона, Цюриха, Нью-Йорка и Дюссельдорфа. В США Синдона контролировал фирму по производству красок «Оксфорд электрик», «Аргус» (оптика), «Интерфото» (фотоматериалы)... Его владения раскинулись от Рима до Голливуда. Под его контролем оказались сотни корпораций.

Невидимый концерн

Синдона ворочал такими деньгами, что у конкурентов не раз возникал вопрос: откуда они взялись?

Порой Синдона отделялся шуткой. Когда ему намекали, что он управляет финансами мафии, Синдона смеялся:

— Мафия? Для меня это слишком мало.

Шутник этот дон Микеле. Денег мафии ему, видите ли, мало. А ведь по подсчетам итальянского экономического журнала «Мондо», на долю гигантского преступного синдиката, раскинувшего свои сети по всей Италии, приходится 4 процента валового национального продукта.

Сегодняшняя мафия — это не только банда грабителей и убийц, но крупное и, что самое поразительное, вполне респектабельное, с точки зрения буржуазных государственных институтов, капиталистическое предприятие. Нынешняя мафия, сохранив самые зловещие качества, во многом стала другой. Можно сказать, что она и «та» и «не та». Она по-прежнему беспощадно кровавая — за два года, 1983-й и 1984-й, на Сицилии от рук мафиози погибло более 500 человек. Но при этом мафия внедрилась в политическую и экономическую структуру итальянского общества и стала в ней «своей». Деятельность организованной преступности есть не что иное, как разновидность бизнеса. Оценивая преступный бизнес с экономических позиций, можно обнаружить, что он подчиняется тем же законам, что и деятельность любого из предприятий легального бизнеса.

«Итальянская мафия, — пишет склонный к либерализму западногерманский журнал «Шпигель», — стала огромным концерном в подполье, который занимается торговлей наркотиками, похищением людей с целью получения выкупа и убийствами. Свои доходы она инвестирует в промышленность и сельское хозяйство». И в этих сферах, следует доба-

вить, она ничем не отличается от других капиталистических предприятий, и ее заправилы слынут не менее уважаемыми синьорами, чем иные владельцы концернов и латифундий. А если учесть, что мера уважения в капиталистическом обществе прямо пропорциональна размерам доходов, то главарям мафии могут завидовать даже многие из тех, кто слывет «некоронованными королями».

Как же они переплелись — бандитизм и предпринимательство?

Капиталистическое предпринимательство движет та же самая цель, которую преследует и мафия, — нажива. Методы... Нет, они отнюдь не различаются коренным образом. Любой капиталист, велеречиво рассуждающий, что он, дескать, «народный предприниматель», стремится выжать из рабочих все соки. Его вовсе не отвращает и запах крови, конечно, чужой крови, пролитой из-за того, что он, «народный», во имя доходов «сэкономил» на охране труда. За последние 35 лет по этой причине в Италии погибло свыше 100 тысяч человек. Газета «Мессаджеро» подсчитала, что каждый день (обратите внимание: каждый день!) на производстве гибнут 13 человек. В официальной статистике эти данные фигурируют под рубрикой «Несчастные случаи». Дескать, неизбежная дань техническому прогрессу. И при этом умышленно закрывают глаза на подлинные причины.

Даже предприниматели, по вине которых гибнут нещадно эксплуатируемые маленькие дети, в глазах буржуазного общества не более чем «неосторожные дельцы». Да и газеты не видят ничего сенсационного в том, что, скажем, двенадцатилетний Антонио Сальдарелли был раздавлен мраморной плитой, его сверстник Микеле Грамелья погиб, прикоснувшись к проводу высокого напряжения, подручный маляра четырнадцатилетний Роберто (так его назвали в полицейском протоколе, а вообще-то он еще оставался Робертино) Коклати разбился, упав со строительных лесов. Только за один год на производстве погибло 2014 человек. Жертвы мафии, при всей ее кровожадности, не составляют и половины этого числа. Если и есть различие, так разве что во внешней эффектности — труп, прошитый автоматом, с точки зрения буржуазной прессы, «фотогеничнее», чем изуродованное тело подростка, упавшего со строительных лесов.

Там, где правит капитал, для извлечения наживы все средства хороши.

В феврале 1985 года в городе Савона (область Лигурия) открылся судебный процесс над группой бывших политических деятелей ряда правящих партий.

«Это процесс,— писала газета «Унита»,— не только над преступной шайкой, но и над грязной, прогнившей политикой. Махинаторы ставили перед собой одну цель — получать как можно больше денег и укреплять свое могущество».

А ведь какие «синьоры вне всяких подозрений» оказались на скамье подсудимых! Это были руководители местных органов самоуправления, важных государственных учреждений. Один из главных обвиняемых, Альберто Теардо, возглавлял областной совет Лигурии и баллотировался в 1983 году в парламент по спискам социалистической партии. Быть бы ему избранным, если бы до выборов он не оказался под арестом.

Пользуясь своим высоким положением, эти синьоры установили контроль над различными сферами экономической жизни области. За предоставление строительных подрядов они требовали взяток, тем же, кто отказывался платить, всячески угрожали, а если и это не помогало, то прибегали к насилию. Известно, что в апреле 1982 года был взорван подъемный кран фирмы «Дамонте», отвергнувшей условия вымогателей.

Мафия, да и только.

Когда в Италии разгорелся «нефтяной скандал», многие граждане пришли в ужас, узнав, как глубоко проникли в государственный организм «метастазы» коррупции. Руководитель финансовой гвардии, генерал Рафаэле Джудиче, человек, которого государство поставило на стражу своих денежных интересов, в течение многих лет покрывал незаконную торговлю нефтепродуктами и утаивание налогов промышленными компаниями, ввозившими нефть.

Нефтяные магнаты Бруно Муссели и Марио Милани перерабатывали на своих предприятиях нефть в бензин, а в отчетах указывали, что их заводы производят дешевый мазут, который предназначен для отопления жилищ. И все это для того, чтобы платить меньше налогов. В результате этой аферы промышленники в полном смысле слова одним росчерком пера прикарманили 2 триллиона лир. В полном соответствии с теми же законами, которые царят в мафии, Муссели и Милани «поделились» с генералом Джудиче и его ближайшими помощниками, а также отчислили соответствующую сумму политикам.

Когда грязные махинации, подобно нефтяным пятнам в море, выплыли на поверхность, суд выдал ордер на арест 30 предпринимателей, государственных чиновников и буржуазных политических деятелей.

К «нефтяному скандалу» были причастны и тайная ма-

сонская ложа «П-2», и определенные круги Ватикана. В 1983 году были арестованы епископ С. Дука и священник Ф. Куалья, а секретаря Института религиозных дел прелата де Бониса, который был замешан и в других финансовых махинациях, лишили паспорта.

В результате трехлетнего расследования туринские следственные органы установили, что в скандале замешаны 157 нефтяных компаний и фирм, 544 человека. Всем им было предъявлено обвинение в коррупции, контрабанде и создании преступной организации, то есть в том, что инкриминируется и членам мафии. Хотя, назови генерала Джудиче мафиози, он от праведного гнева станет захлебываться собственными словами.

Однажды министр финансов Франко Ревильо приказал проанализировать положение с уплатой налогов и вслух признал, что наиболее состоятельная часть населения — хозяева предприятий, землевладельцы, обладатели крупной недвижимости — выплачивает в лучшем случае только половину положенных налогов. Фискальное управление итальянской столицы, проведя специальную проверку, сделало еще более откровенные выводы: оказалось, что только 10 процентов состоятельных римлян уплатили налоги со всей суммы доходов. «Меньше всего налогов платит тот, кто имеет самые большие доходы» — к такому заключению пришла итальянская демократическая пресса.

Осенью 1984 года министерство финансов Италии опубликовало «Белую книгу». В ней приводились данные, которые показывают, что многие налогоплательщики укрывают от финансовых органов до трех четвертей своих доходов. За 9 лет — с 1975 по 1983 год — по статье «Подходный налог» казна недобрала много тысяч миллиардов лир, которые в переводе на доллары составляют почти 100 миллиардов.

«Италия — настоящий рай для тех, кто уклоняется от налогообложения», — констатировал корреспондент агентства Франс Пресс в Риме Жан-Люк Порт.

Кроме утаивания налогов есть немало других способов залезать в карман государству. Казну обчищают и путем получения незаконных кредитов. Одни только братья Кальтаджироне, создавшие целую сеть фиктивных строительных фирм, сумели присвоить 200 миллиардов лир. А когда прокуратура после долгих проволочек выписала наконец ордера на их арест, братья-разбойники благополучно скрылись. Поскольку они заблаговременно делились ворованным с видными деятелями демохристианской партии, в частности с мини-

стром торгового флота Эванджелисти, щедро оплаченные покровители в минуту жизни трудную не оставили своими заботами братьев Кальтаджироне.

А махинации с продуктами и медикаментами! Владельцы крупных мясных магазинов в Бари, чтобы бифштексы и колбаски всегда выглядели «свежими», а следовательно, и более дорогими, добавляли в них... сернистый ангидрид. То, что это токсичный химический препарат, приводящий к серьезным заболеваниям, дельцов нимало не волновало. Да что там торгаши! Директор Фармацевтического института имени Негри — Сильвио Гараттини говорил, что 80 процентов — обратите внимание на эту огромную цифру! — продающихся в аптеках медикаментов либо бесполезны, либо даже опасны для здоровья. И опять-таки напрашивается вопрос: чем производители этих, с позволения сказать, «лекарств» отличаются от мафиози?

Современная мафия и капиталистическое предпринимательство вышли из одного чрева. Было время, когда казалось, что они идут в разные стороны. В действительности они двигались в одном направлении и наконец сошлись.

— Единственная разница между мной и генеральным директором всемирно известного концерна состоит в том, что я торгую не нефтью, а иным товаром, — говорил один из крупнейших главарей мафии — Сальваторе Лучано.

Он, этот «счастливчик», как звали Лучано, несколько не грешил против истины. Тем более что характерной чертой современной мафии является и занятие вполне легальным бизнесом.

Западногерманский журнал «Шпигель» называет мафию «крупнейшим в Италии работодателем». В условиях кризиса и существования более чем двухмиллионной армии безработных «работодатель» звучит почти как «благодетель». Из полутора миллионов сицилийцев, работающих по найму, 218 тысяч человек заняты в строительной промышленности. А поскольку не менее 80 процентов предприятий этой отрасли находятся в руках мафии, легко подсчитать, что на нее работают 175 тысяч человек.

Элегантные синьоры в дорогих костюмах с тщательно подобранными галстуками — ни дать ни взять преуспевающие магнаты индустрии — внешне ничем не похожи на «донов» мафии. Они сидят в изысканных апартаментах, ездят на наимоднейших автомобилях и чувствуют себя вполне своими в самом респектабельном обществе. Но их преступное нутро осталось прежним. Ястребами-стервятниками набрасываются предприниматели от мафии на доходные заказы, безжало-

стно рвут их из рук конкурентов и во имя доходов готовы пожертвовать уже не десятком, не сотней граждан, а всей Сицилией.

Когда в небольшом поселке Комизо, в юго-восточной части Сицилии, американцы решили создать крупнейшую во всей Западной Европе базу крылатых ракет большой дальности, мафия незамедлительно предложила свои услуги в качестве подрядчика по строительству помещений для военнослужащих и военных объектов. «Это будет цитадель с ракетами в саду», — писала газета «Коррьере делла сера».

Трудовой люд не желал строить на собственной земле базу смерти.

— Мы хотим строить дома, а не казармы, — объяснил один из руководителей местного строительного кооператива — Винченцо Аста.

В мафии же Пентагон нашел желанного исполнителя своих намерений. У них — американских «медных касок» и главарей мафии — старая любовь. В годы второй мировой войны, когда готовилась высадка англо-американских войск на Сицилию, лучшего партнера, чем мафия, Пентагон не нашел. При активном посредничестве специальных служб генералы вошли в контакт с «донами», и те обеспечили американцам беспрепятственную высадку на острове. В благодарность за это оккупационные власти отдали мафии административное управление городами и поселками. Американцев несколько не смущала вспышка сепаратистских тенденций. Наоборот, они всячески поощряли их. С благословения западных союзников сепаратисты даже обзавелись собственным «национальным гимном».

Сепаратисты и сейчас, четыре десятка лет спустя, пользуются поддержкой и покровительством американцев. Ведь они готовы выполнить любую волю Вашингтона. А что касается подавления демократии, то в этом деле даже ФБР кое в чем может поучиться у мафии. Без каких-либо юридических затей мафиози убивают каждого, кто встает у них на пути, и вся недолга. Когда член руководства Итальянской коммунистической партии, секретарь областного комитета ИКП на Сицилии Пино Ла Торре, непримиримо сражавшийся с мафией всю свою сознательную жизнь, давший имя закону о борьбе с мафией, принятому парламентом, возглавил борьбу против базы в Комизо, бандиты подстерегли его на одной из узких улочек Палермо и в упор открыли пальбу из автоматов.

Буржуазный итальянский еженедельник «Панорама» обратил внимание на тот факт, что Ла Торре погиб в канун новой антивоенной манифестации, которую он организовал.

— Комизо, — говорил Пио Ла Торре, — отнюдь не такая же база, как другие. Сегодня Средиземное море является одной из горячих точек земного шара. Почему же в этих условиях США избрали именно Комизо местом размещения самой крупной в Европе ракетной базы? Да потому, что это превратит Сицилию в американский авианосец, нацеленный против СССР, других стран социализма, против национально-освободительного движения на Ближнем Востоке и в Африке.

Многие, очень многие в Италии считают, что убийство Ла Торре явилось ответом именно на эти слова. Такого убежденного, убедительно говорящего и активно действующего противника американская военщина не могла не бояться. Она жаждала расправы с ним, и это сделала мафия. Не включает ли в себя смета сооружения базы в Комизо, раздувшаяся по сравнению с первоначальными наметками в четыре раза, и счет за убийство вожака сицилийских коммунистов? Пентагон всегда щедро расплачивается с теми, кто ему нужен.

Мафии легко живется в мире капитала. Она там своя среди своих. Вся разница, как говорил Лучано, в том, что она «торгует не нефтью, а другим товаром».

На первом месте среди «другого товара» стоят наркотики.

С точки зрения алчных дельцов, товар уникальный. Наркотики всегда в цене, спрос на них растет «и в дни торжеств, и бед народа». В период процветания к ним прибегают, бесясь с жиру. По квалифицированному мнению специалистов по борьбе с наркотиками, в США главные центры потребления — это Голливуд, где доходы, как и слава, подвержены непредсказуемым капризам моды, и высшее общество, где вечеринка с кокаином считается шиком. Типично американским наркотиком, который стимулирует национальные качества — «предприимчивость, энергию, оптимизм», — называют в США кокаин. Как «зелье для избранных» характеризует его журнал «Тайм». «Белый снег», «порошок эйфории», «наркотическое шампанское» — к таким эвфемизмам прибегают буржуазные средства массовой информации, прославляя, да, да, прославляя, «достоинства» кокаина. Применять его, уверяют эти газеты, благородно. Один из голливудских продюсеров, Джулия Фелипо, во всеуслышание заявляет, что «кокаин утверждает в ней чувство уверенности в себе и способность одновременно делать три дела». Два молодца из группы «Роллинг-стоунз» Кейт Ричардс и Рон Вууд воспевают наркотики в шлягере «Кузен Кокаин». А едва ли не крупнейший на Западе журнал мод «Вог» рекламирует новейшее достижение ювелиров — массивную золотую ложечку для вдыхания кокаина.

«В Соединенных Штатах Америки, где знакомство с людьми, имеющими знакомства, — неотъемлемый атрибут уровня жизни, социального престижа и шансов на успех, — писал «Нувель обсерватёр», — три грамма «сладостей для носа», добавленные к меню званого обеда, — символ процветания и хорошего вкуса, который обеспечит вам благосклонность почетных гостей».

На этом фоне категорические заявления президента Рейгана: «Помешать этим преступникам (торговцам наркотиками. — *Авт.*) наживаться, засадить их в тюрьмы, разрушить их организацию — ни на что меньшее мы не согласимся» — звучат эффектно. Только все эти слова остались пустым звуком. Капиталистическое общество не может, да и не хочет, покончить с организованной преступностью потому, что оно само преступно.

Поэтому не приходится удивляться и тому, что «кокаиновая волна», захлестнувшая США, обрушилась на Западную Европу и достигла Японии. А мафии только того и нужно.

Потребление наркотиков неразрывно связано и с безработицей, с отчаянием людей, которые не находят места в жизни. Уж на что не любит мудрствовать лукаво американская газета «Интернэшнл геральд трибюн», издающаяся в Европе, но и она, отмечая рост потребления наркотиков в Италии, писала, что «90 процентов тех, кто прибегает к героину и кокаину, составляют молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, то есть представители той возрастной группы, на которую приходится более половины общего количества безработных». Это в одной Италии. А всего в высокоразвитых капиталистических странах более 30 миллионов безработных, примерно половина из них — молодежь.

Производителям и торговцам наркотиками не приходится волноваться за спрос, а следовательно, и за доходы. На черных рынках в Майями и Нью-Йорке килограмм кокаина стоит 30 тысяч долларов. Только в США годовой оборот торговцев кокаином достигает 32 миллиардов долларов. Когда журнал «Форчун» в 1982 году составлял очередной список 500 крупнейших корпораций, взяв в основу их годовой оборот, фирма «Кокс энд К°», как собирательно нарекли черный рынок кокаина, оказалась на седьмом месте. А если объединить торговлю кокаином с торговлей марихуаной, «концерн наркотиков» в табели о рангах поднимется еще выше: ведь его годовой оборот исчисляется в 80 миллиардов долларов! Кокаин потребляют 4 миллиона человек, а марихуану — 25 миллионов.

С начала 70-х годов центром изготовления «белой смерти»

в Европе был французский порт Марсель. Но вскоре Палермо оттеснило его на второй план. Сицилийская мафия заняла ключевые позиции в производстве зелья. Сотрудники специального отдела наркотиков при американском Федеральном бюро расследований не раз обнаруживали героин в чемоданах с двойным дном у путешественников с Сицилии. Когда же объемы производства возросли, мафия прибегла к более хитроумным способам транспортировки. Наркотики стали перевозить внутри восковых муляжей апельсинов.

По внешнему виду и по весу «апельсины», начиненные каждый 110—120 граммами наркотика, ничем не отличались от настоящих. На целый вагон ящиков, или, как говорят на Сицилии, габионов, с апельсинами приходилось не менее пяти ящиков, в которых прятали наркотики. Муляжи не рассыпались по разным ящикам, а группировали отдельно. И тем не менее много лет мафия успешно эксплуатировала этот метод.

В начале 1984 года ветеринарный врач из Бриндизи, осматривая корову, закупленную за рубежом, обнаружил в ее желудке пластиковый пакет с героином. Проверка показала, что наркотик переправляли и в других животных.

— Этого только не хватало, — в сердцах сказал статс-секретарь министерства внутренних дел Рафаэле Коста. — Теперь в поисках наркотиков нам придется прочесывать и все бойни.

Видный итальянский общественный деятель Микеле Панталеоне объясняет это так: «Сицилия, расположенная в центре Средиземного моря, очень удобна как перевалочный пункт в торговле и перевозке наркотиков. Однако решающим моментом явилось все же существование на острове преступной организации, которая представляет собой чудовищный продукт социальной системы и потому пустила глубокие корни и умеет маскироваться тысячью способами».

Первые тайные лаборатории на Сицилии по переработке «белой смерти» были обнаружены на Виа Грацциа, недалеко от отеля «Рива», на пути к аэропорту Пунта-Раиса. В маленьком сером доме еженедельно вырабатывалось от 40 до 50 килограммов героина. Гонцы, останавливавшиеся в «Риве», получив товар, спешили в аэропорт, а оттуда — в Нью-Йорк.

Какое-то время полицейские власти тешили себя мыслью, что этот перегонный заводик первый и единственный. Но очень скоро в местечке Сант-Онофрио, вблизи Палермо, напротив виллы бежавшего из заключения босса мафии Дерландо Альберти, было раскрыто еще одно предприятие по переработке наркотического зелья. Попытка полицейских проникнуть внутрь была встречена огнем. В ожесточенной пере-

стрелке погибли два подпольных перегонщика героина — Стефано Бонтаде и Тото Инцерилло.

Иллюзии рассеялись. Непреложные факты подвели к двум выводам. Во-первых, Палермо стал «героинной столицей». Во-вторых, заправляют бизнесом люди из «новой мафии», молодые алчные волки, готовые в любой момент вцепиться в глотку любому, кто встанет на их пути, в том числе и мафиози старшего поколения.

Они убивают безжалостно. Следователь Борис Джулиано, сотрудничавший с американским агентством по борьбе с наркотиками, вышел на след «сицилийской связи» по производству и продаже зелья. Он был убит среди бела дня, когда зашел в бар на Виа ди Биази в Палермо, чтобы выпить чашечку кофе.

По последним данным, третья часть всего продаваемого на мировом «черном рынке» героина следует через Сицилию. По самым робким оценкам властей, там действует не менее семи подпольных «лабораторий» по изготовлению героина. Журнал «Панорама» считает, что пять «лабораторий» в Палермо и вокруг него производят 500 килограммов героина в год. Эти данные относятся к началу 1983 года, а менее чем два года спустя американский журнал «Тайм», со ссылкой на информацию, полученную от итальянских властей, писал, что каждый год в Палермо из опиума, который контрабандой доставляется в Италию из стран «золотого полумесяца» — Ирана и Пакистана, производится около 2 тонн чистого героина. По оптовым ценам американского рынка килограмм стоит 200 тысяч долларов. «Владеть этими лабораториями, — замечает «Панорама», — все равно что золотым прииском». «Тайм» добавляет, что 2 тонны героина, который можно купить на Таймс-сквер в Нью-Йорке ровно через 48 часов после того, как зелье покинет Сицилию, стоят «сотни миллионов долларов».

Сицилиец Панкрацио Де Паскуале, член Итальянской коммунистической партии с 1943 года, считает, что именно наркотики создали могущество современной мафии.

— Своих подлинно европейских и международных масштабов мафия, — сказал Де Паскуале корреспонденту французской газеты «Монд», — достигла благодаря торговле наркотиками. Включившись в финансовую сферу, она «узаконила» свои прибыли, вложив капиталы во все экономические отрасли. В начале 70-х годов «транснациональная корпорация» — мафия — действовала на полную мощь.

Определенная, причем немалая, часть героина остается и в Италии. По некоторым официальным данным, число нарко-

манов в Италии составляет 240 тысяч. Такие «издержки производства», как смерть от употребления зелья, в счет не идут. А эти «издержки» возрастают с каждым годом. В 1979 году «белая смерть» унесла 135 жизней, в 1980-м — 207, в 1983-м — 257, а в 1984-м — 385. Кстати, официальная статистика не заносит эти жертвы на счет мафии. Они проходят совсем по другой статье.

Другая важная статья доходов мафии — похищение людей. Американский киднэппинг в Италии поставлен на промышленную основу. Это не эпизодическое явление, а целая индустрия.

Само понятие «киднэппинг» появилось еще в прошлом веке. Англо-русский словарь первое значение глагола «киднэп» определяет, как «украсть ребенка», а «киднэппинг» означает похищение малыша с целью выкупа. Опять-таки не без влияния американских гангстеров итальянские мафиози наполнили старое понятие новым содержанием. Под дулами пистолетов приказам похитителей безропотно подчиняются убеленные сединами предприниматели, тучные владельцы магазинов, спортивного вида юнцы — отпрыски богатей.

Вот уже несколько лет, словно это планируется заранее, в Италии ежегодно похищают около 50 человек. И ежегодный «доход» мафии от киднэппинга также стабилен — около 1 триллиона лир.

Вплотную к индустрии похищений примыкает вымогательство. При киднэппинге раскошелиться заставляют родственников, за предложение «покровительствовать» платить приходится самим «осчастливленным». Отказаться — значит подвергнуть себя, близких смертельной опасности. Один миланский коммерсант, поведавший еженедельнику «Эуро-пео» свою историю (при клятвенном обязательстве журнала ни под каким видом не оглашать его имя), сказал, что вначале он пытался отказаться от назойливой услужливости, но после 5 месяцев «обработки» сдался.

«Эуро-пео» считает, что этот миланец продержался еще долго. Другие капитулируют раньше. Видимо, торговец рассчитывал на полицию. Ведь когда он получил угрожающее письмо, сулившее несчастье его дочери, если не заплатит 200 миллионов лир, торговец отнес письмо в квестуру. Но покой он обрел (если это можно назвать покоем) лишь после того, как стал платить бандитам.

Вымогательство приносит мафии доход в сумме 7 триллионов лир. Всего же ее годовой оборот исчисляется в размере 16 триллионов 250 миллиардов лир, что соответствует

примерно 15 миллиардам долларов. Ни один из крупнейших итальянских концернов не может тягаться с мафией. Годовой оборот ФИАТ едва превышает 14 триллионов лир, а у «Монтедисон» — составляет чуть более половины оборота мафии.

Невидимый концерн по экономической мощи не имеет себе равных среди тех, кто на виду.

— Те, кто в состоянии накопить подобные богатства, — говорил на Пленуме ЦК и ЦКК ИКП член секретариата и руководства Итальянской коммунистической партии Ренато Дзангари, — не могут не строить политических планов. Они не могут не стараться заключать союзы, добиваться соучастия или подкупать, пытаться сломить людей или убить их, все больше расширяя свою деятельность, причем все более бесконтрольно. Эта крупная нелегальная компания, какой является мафия, нуждается в легальной системе.

В 1984 году итальянским властям удалось дважды произвести аресты среди большого числа членов мафии. Первый удар ей был нанесен в ночь святого Михаила 29 сентября. Во время этой крупной облавы было выдано 366 ордеров на арест. В декабре полиция Турина предприняла еще одну акцию. Имея на руках свыше 300 ордеров на арест, власти задержали 100 человек.

Аресты пролили дополнительный свет на широко разветвленную сеть мафии, на ее тесные связи с американской «Коза ностра». Но когда итальянский министр внутренних дел Луиджи Скальфаро комментировал результаты облавы в ночь на святого Михаила, он заметил, что мафия, к сожалению, не обезглавлена.

В начале 1985 года, после того как полиция нанесла несколько мощных ударов по мафии, мелкий предприниматель из Палермо Пьетро Патти решил, что вымогателям можно больше не платить. Поспешил незадачливый Патти. 27 февраля среди бела дня на улице к нему подошел неизвестный, выхватил пистолет и выстрелом в голову застрелил предпринимателя.

2 апреля мафия совершила еще одну террористическую акцию.

В городе Трапани, на острове Сицилия, было совершено покушение на заместителя прокурора Карло Палермо. На пути следования его автомашины из дома на работу бандиты на одном из поворотов установили, а затем взорвали мощную бомбу, управляемую по радио. Служебная пуленепробиваемая машина прокурора пострадала незначительно, и сам он отделался легким ранением. Больше досталось машине с телохранителями, которые сопровождали прокурора. Шедший на-

встречу автомобиль, в котором ехала тридцатилетняя женщина с двумя шестилетними сынишками-близнецами, был разнесен на куски. От взрыва посыпались стекла в радиусе одного километра.

Карло Палермо прибыл в Трапани в январе 1985 года. Его прислали на смену того самого Антонио Коста, которого арестовали по обвинению в сотрудничестве с мафией. Палермо, который на прежней работе в городе Тренто возглавлял расследование крупной аферы с контрабандой оружием и наркотиками, горячо взялся за дело. За две недели до покушения он подписал ордера на арест пяти крупных промышленников города, подозреваемых в связях с мафией и подкупе Коста.

Спору нет, успехи в борьбе с мафией очевидны. В конце марта 1985 года полиции удалось арестовать долгие годы скрывавшегося от правосудия распорядителя всех финансовых средств мафии Пиппо Кало. Когда стражи закона вошли в роскошную квартиру в фешенебельном квартале Рима, где с фальшивым паспортом, под чужим именем проживал босс мафии Кало, он, как сообщали западные информационные агентства, выразил полицейским свое восхищение.

— Поздравляю! — сказал мафиози первой величины. — Как это вам удалось найти меня?

Пожалуй, Кало больше был удивлен, чем восхищен. Ведь главный секрет его многолетней неуязвимости заключался в том, что его охрану обеспечивали государственные служащие, находившиеся на содержании мафии. И хотя в последнее время значительно чаще, чем раньше, приходят вести об аресте высших чиновников местной администрации и полицейских начальников, сотрудничавших с мафией, до победных фанфар весьма далеко.

«В современном итальянском обществе, — пишет коммунист Антонио Боффи, — трудно контролировать и пресекать преступную деятельность. Тайна банковских вкладов, многообразие путей сколачивания огромных, не поддающихся учету состояний, как с помощью нелегальных, так и сравнительно легальных средств, — все это затрудняет расследование источников богатств... Очевидно, что в капиталистической Италии преступность находит благодатную почву».

Свобода предпринимательства

Мафия, чтобы «облагородить» добытые преступными методами деньги, пропускает их через казино, вкладывает в недвижимость, в создание туристских объектов, содержит бары, пиццерии, заключает контракты на строительство,

пускает в оборот средства через банки и кредитные учреждения.

— Деньги, лежащие в кармане без движения, только зря мнутся.

Так говорят на Сицилии те, у кого они есть. По сути дела, сентенция не оригинальная. За ней просматривается один из законов капиталистического мира. «Деньги должны приносить новые деньги». Но мафии, прежде чем пустить награбленное в оборот, необходимо произвести операцию «очистки» денег. Тогда на докучливый вопрос, откуда взялись миллиардные суммы, с наигранным удивлением можно дать ответ: «Из банка».

Теоретически ссуду в банке может получить каждый, поэтому банковский кредит способен затушевать на купюрах кровавые пятна. Следовательно, нужны банки, которые играли бы роль «очистных фильтров» для грязных денег мафии.

Когда надо пустить в оборот сотни миллионов долларов, полученных с помощью преступлений, необходимо иметь связи с президентами крупных международных банков, посещать Цюрих и Женеву, овладеть методами игры на бирже.

Злоязыкий вольнодумец Вольтер говорил, что если бога нет, то его надо выдумать, поскольку он нужен. Синдона был необходим мафии, и мафия сделала его своим банкиром.

«Синдона, — объясняет американский журнал «Мазер Джоунс», — был главным финансистом международной мафии. Через его руки проходили колоссальные прибыли от нелегальной торговли наркотиками. По поручению братьев Гамбино и их сицилийских коллег он придавал неправедно нажитым деньгам видимость законных доходов».

— Мои доверители, — парировал Синдона назойливые вопросы, — имеют право на охрану личных интересов. Денежные дела никого не касаются.

После этого даже самые любопытные смущенно отходили в сторону. Действительно, кто имеет право совать свой нос в чужой кошелек? Ведь это же покушение на священное право собственности, подрыв основ. Говорил же президент федеральной палаты экономики Австрии Рудольф Заллингер, что любое посягательство на свободу предпринимательства есть ущемление демократии. Эта «демократия» и служила Синдоне надежным щитом.

Американский журнал «Мазер Джоунс» считает, что успех сопутствовал Синдоне еще и потому, что он всегда умел налаживать нужные связи. В качестве примера журнал повествует о том, что в 50-х годах Синдона сумел снискать благоволение архиепископа Миланского Джованни Монтини.

Став папой римским Павлом VI, Монтини не только частенько беседовал с банкиром с глазу на глаз, но и поручил ему ведать финансовыми делами Ватикана. А начиналась эта деловая дружба весьма тривиально: Синдона пожертвовал католической церкви на строительство приюта для престарелых 2 миллиона 400 тысяч долларов.

Но в этой истории есть еще одна весьма примечательная страница. Как считает автор книги «Банкир св. Петра» Луиджи Фонца, крупную сумму, которую Синдона достал за один день, он получил от агента ЦРУ в Милане. Вот еще одна ниточка, ведущая в Лэнгли, где располагается штаб-квартира американского ведомства «рыцарей плаща и кинжала», которая вплетается в клубок жизни Синдоны.

Банк Синдоны служил каналом для многочисленных финансовых операций ЦРУ. По данным журнала «Мазерс Джоунс», через него ЦРУ переправляло деньги греческим полковникам еще до того, как те захватили власть в Греции в 1967 году. Позднее Синдона передал миллионы долларов из средств ЦРУ центристским и правым партиям в Италии, включая правящую христианско-демократическую партию. Работая на ЦРУ, Синдона одновременно состоял казначеем самой секретной из итальянских масонских лож — «Пропганда-2» («П-2»), которую возглавлял Личо Джелли.

Когда папа Павел VI по политическим соображениям решил избавиться от части ватиканской недвижимости, он также обратился за помощью к Синдоне. Делец тут же выложил казне Святого престола около 250 миллионов долларов. А потом выяснилось, что на этой сделке сам Синдона заработал в три раза больше. С алтаря, можно сказать, красть не гнушался.

Синдону, как позже Кальви, называли «банкиром бога». И так же, как Кальви, он поддерживал весьма тесные отношения с «Опус деи». В числе его влиятельных друзей был, например, видный деятель этой организации Дэвид Кеннеди, бывший председатель правления банка «Континентал Иллинойс бэнк энд траст компани оф Чикаго», который в администрации Никсона занимал пост министра финансов.

Связи у Синдоны, что и говорить, были первоклассные. Он настолько уверовал в собственное могущество, что бросил вызов крупнейшим банкам США. Синдона завладел нью-йоркским «Франклин нэшнл бэнк», который среди 14 тысяч американских банков занимал весьма заметное, девятнадцатое место. Этот банк имел вкладов на 4 миллиарда долларов, располагал 3700 служащими, 104 филиалами и небоскребом в Манхэттене.

Операция захвата была осуществлена молниеносно. В жаркий июньский день 1972 года Синдона вошел в кабинет Лоуренса Тиша просителем, а вышел владельцем «Франклин нэшил бэнк».

Тиш владел немногим более 20 процентов капитала банка. По тогдашнему биржевому курсу его акции стоили 32 миллиона долларов. Но когда Тиш услышал предложение о продаже, то заломил цену в 40 миллионов. На лице у Синдоны не дрогнул ни один мускул.

— О'кэй,— сказал он и тут же выложил чек на требуемую сумму.

«Ничего удивительного,— заметил журнал «Штерн»,— ведь он платил не из своего кармана». А что для мафии лишние 8 миллионов, когда речь идет о внедрении в финансовую систему США!

Начало было многообещающим, но недаром говорят, что конец венчает дело. А конец оказался плохой.

Принадлежащий Синдоне «Банка привата итальяна» в 1974 году лопнул как мыльный пузырь, оставив долг в 257 миллиардов лир. Стоило следователям заглянуть в бухгалтерские книги, как они обнаружили такое, что и «старожилы не упомнят». Сплошные махинации. Синдоне предъявили официальное обвинение в «подделке финансовых документов, выпуске дутых облигаций и незаконном распределении дивидендов». Но к этому времени в Италии его и след простыл. Синдона, предупрежденный отнюдь не бескорыстными покровителями, удрал в США. Он явно рассчитывал найти там надежное прибежище. Но американские банкиры вовсе не хотели видеть с собой рядом попавшегося жулика.

Нью-Йорк не стал для Синдоны спасительной гаванью. Местный суд обвинил Синдону в подлоге, присвоении банковских средств и лжесвидетельстве. И тогда вместе с главарем мафии Гамбино Синдона инсценирует... собственное похищение.

Газетчики терялись в догадках, жив ли Синдона, или его уже убили. Но находились и такие люди, которые выражали сомнение по поводу всей истории с похищением.

— Если человеку предъявлены обвинения сразу в двух странах, у него есть все основания для бегства,— сказал один из высокопоставленных чинов нью-йоркской полиции, которому поручили заниматься делом Синдоны.— К тому же у него наверняка припрятано достаточно денег, чтобы разыграть весьма убедительный спектакль со своим исчезновением.

Этот чин как в воду глядел. Через одиннадцать недель Микеле Синдона объявился. Он позвонил своей секретарше и

сказал, что просит прислать за ним машину на угол 42-й улицы и 10-й авеню, где его якобы бросили похитители.

На первый взгляд можно было поверить, что Синдона провел одиннадцать недель в руках похитителей, где ему пришлось совсем не сладко. Синдона похудел, осунулся, говорил хриплым голосом. На самом деле внешние перемены были следствием лихорадочной деятельности. Он тайно слетал в Европу, пробрался в Италию и там попытался связать своих влиятельных покровителей обещанием, что его в беде не бросят. А для того, чтобы такое обязательство было более надежным, Синдона привел в порядок свое досье, содержащее компрометирующие материалы более чем на 500 видных итальянских промышленников и политических деятелей. В первую очередь он собрал документы, свидетельствующие о передаче политическим деятелям крупных пожертвований и о переводе за границу капиталов тех, кого принято считать столпами общества.

Только несколько лет спустя достоянием гласности стали тесные и отнюдь не бескорыстные связи Синдоны с лидерами крупнейшей буржуазной партии Италии — христианско-демократической. Находившийся за тюремной решеткой зять банкира Пьер Сандро Маньони решил чистосердечными признаниями облегчить душу и высвободить из узилища тело. То, что он рассказал, могло бы послужить обвинением по адресу ведущих лидеров ХДП, которые в креслах премьера и министров не одни брюки протерли.

В то время политическим секретарем ХДП был Аминторе Фанфани. Его благосклонность Синдона приобрел тем же способом, каким он втерся в доверие кардиналу. В апреле 1974 года христианско-демократическая партия получила от Синдоны 2 миллиарда лир. Взятка была оформлена тремя чековыми книжками на предъявителя, по которым можно было получить указанную сумму в филиале «Банка привата» в Риме.

Синдона был главным жертвователем денег для демохристиан. Он из своего кармана финансировал их партийные съезды и крупнейшие политические кампании.

ХДП несколько не чуралась не то что сомнительных, а просто преступных финансовых операций Синдоны, на которых она получала немалые деньги. При этом сотрудничество между определенными лицами в ХДП и Синдоной предусматривало, что в случае неудачи банкир все потери берет на себя.

Этот прожженный делец прекрасно понимал, что такого рода потери выгоднее, чем иные доходы. Речь шла о полити-

ческом выигрыше. А это значит много. Среди клиентов Синдоны были и руководитель итальянской спецслужбы СИД, и депутат парламента от неофашистской партии ИСД-НПС генерал Вито Мичели, и командующий объединенными военноморскими силами НАТО в южной зоне Европы адмирал Джузеппе Пигини. Собрала их в одно гнездо масонская ложа «П-2», где великолепно уживались и демохристиане и неофашисты.

После краха Синдоны кое-кто из его клиентов оказался в проигрыше. Но не все. Большая группа деятелей из ХДП, имевшая крупные вклады в одном из банков Синдоны, вопреки существующему законодательству сумела получить деньги обратно.

С демохристианами у Синдоны были особые отношения. Коммунисты прямо указывали на то, что «политическую ответственность за пособничество незаконным интригам Синдоны несут в первую очередь некоторые группы в ХДП».

Эти группы получали от Синдоны деньги на свою политическую деятельность. 11 миллиардов лир банкир предоставил на кампанию против разводов, в другой раз он дал 2 миллиарда лир. Вслух это называлось «пожертвованиями». На самом же деле осуществлялся принцип «даю тебе, чтобы ты дал мне». Злые языки утверждали, что 2 миллиарда лир, например, были вовсе не добродетельным благочестивым пожертвованием, а платой за назначение управляющим «Банко ди Рома» Марио Бароне, который был верным подручным Синдоны. Но это, если воспользоваться шахматной терминологией, была двухходовая комбинация. А Синдона рассчитывал свои партии значительно дальше. Он хотел создать надежные позиции, которые защитили бы его и при неблагоприятных поворотах судьбы. И когда фортуна отвернулась от него, Синдона тут же попытался укрыться на оборудованной заблаговременно оборонительной линии. С помощью Марио Бароне он прятал в сейфах «Банко ди Рома» документы, в которых фигурировали имена тех, кто получал жертвования и пользовался синдоновскими благодеяниями сомнительного свойства, вроде услуг по противозаконному переводу денег за границу. Прозрачно намекая, что долг платежом красен, Синдона пытался привлечь этих влиятельных и могущественных лиц в своих интересах. Ведь он не хуже этих самых лиц знал, что меньше всего на свете они хотели бы огласки нечистоплотных связей с банкиром.

Синдона уповал не только на замешанных в его делах политиков из ХДП и представителей ватиканских верхов.

У него на руках имелся еще один, пожалуй даже более сильный, козырь, и он не преминул разыграть его.

— При моих связях с ЦРУ, — угрожающе заявил Синдона федеральному прокурору Джону Кенни, который привлек его к ответственности за махинации в нью-йоркском «Франклин нэшнл бэнк», — я бы не советовал вам выдвигать против меня какие-либо обвинения.

Это не было блефом.

— Есть несколько писем, которые доказывают, что Микеле Синдона действовал с ведома американского правительства и пользовался поддержкой Пентагона, — такое свидетельство привел один из подручных банкира — Джозеф Макалузо.

Журнал «Панорама» сумел получить доступ к этим письмам. Оказалось, что их автор — адмирал Макс Кинг Моррис, занимавший высокий пост в Объединенном комитете начальников штабов американского военного ведомства. В одном из писем Синдоне он упоминал встречу с ним и писал о том, что передал часть его информации своему другу адмиралу Тэрнеру из ЦРУ. В то время друг Морриса адмирал Тэрнер был не просто в ЦРУ, а возглавлял это шпионско-диверсионное ведомство. В другом письме Моррис желал Синдоне удачи и отмечал, что ценит его «усилия на благо Соединенных Штатов и Запада».

Как утверждали адвокаты Синдоны, «усилия» были направлены на осуществление сепаратистского путча на Сицилии.

На тайном совещании боссов американской и итальянской мафии в Бруклине Синдона показал эти письма.

— Америка, — говорил он, — может потерять контроль над Средиземноморьем. Мы должны направить все силы на отделение Сицилии от Италии, где так много коммунистов, и доверить нашу землю США, чтобы защитить Запад от «красных».

Синдона лично отобрал молодчиков для планируемого переворота и организовал их подготовку в засекреченном военном лагере. Американским «медным каскам» это было по сердцу. Пентагон никак не хочет расстаться с мечтой оторвать Сицилию от Италии и превратить ее в собственный непотопляемый авианосец в Средиземном море.

Подручный Синдоны, финансист Карло Бордони, поразмыслив на продолжительном досуге в тюрьме в Каракасе, куда он попал, находясь в бегах, описал роль Синдоны в планах переворота достаточно подробно. Он поведал, что НАТО должна была участвовать в путче через своих высокопо-

ставленных офицеров. Для того чтобы иметь возможность действовать спокойно и уверенно, им необходимо было располагать достаточными финансовыми средствами. Организаторы переворота, видимо, были твердо убеждены в том, что деньги решают все. Но они просчитались, хотя в средствах не стеснялись. Финансирование путча осуществлял Синдона. В руки отдельных лиц он перевел сотни миллионов лир, а на тайные счета организаторов переворота поступили миллиарды лир.

Памятуя, что Синдона при удобном случае ободрал и католическую церковь, вряд ли есть основания сомневаться, что деньги он переводил не свои, а те, которые для этой цели предоставило ЦРУ. Этот банкир мафии, масонов и Святого престола подвизался и в роли финансиста «рыцарей плаща и кинжала» из Лэнгли.

Но на суде адвокаты и сам Синдона на эту тему говорить отказались. Видно, получили приказ защелкнуть рот на замок.

В марте 1980 года Синдона был признан виновным в подлоге, присвоении банковских средств и лжесвидетельстве. Суд в Нью-Йорке вынес приговор: 25 лет тюремного заключения.

В Соединенных Штатах Америки Синдону упрятали за решетку, но конец его преступлениям этим не был положен.

Уполномоченным по ликвидации принадлежавшего Синдоне «Банка привата итальяна» итальянские судебные власти назначили миланского юриста Джорджо Амброзоли. Как выяснилось позже, доверенные люди осужденного в США банкира тут же предложили Амброзоли задним числом аннулировать факт банкротства Синдоны. Был даже разработан соответствующий план. В соответствии с ним миллиарды лир, извлеченные мошенником из касс нескольких государственных банков и компаний, должны были фигурировать как якобы внесенные Синдоной. Юристу Амброзоли прозрачно намекали, что ему и следует-то всего-навсего закрыть глаза на «кое-какие формальности», а уж Синдона в долгу не останется. Ведь в случае признания банкротства несуществующим, расследование должно было прекратиться, и хотя бы в Италии Синдона снова мог бы считаться честным дельцом.

Заставить Амброзоли держать язык за зубами важно было и потому, что он нащупал связи между Синдоной и семейством Гамбино, слывающим крупнейшим в мире торговцем наркотиками. Амброзоли добыл данные, свидетельствующие

щие о том, что Синдона помогал Гамбино нажитые на операциях с наркотиками миллионы вкладывать в легальный бизнес. То, о чем догадывались, что подозревали, получало документальное подтверждение. Однако власти не придали должного значения сенсационным открытиям Амброзоли. К тому же покровители Синдоны еще не потеряли силы, и в итоге адвокат оказался в положении человека, вызвавшего огонь на себя.

На Амброзоли и следователя Вьолу, который вел дело Синдоны, «давили» со всех сторон.

— Вот уже несколько лет, — сетовал Вьола, — мы сталкиваемся с фактами сокрытия доказательств и попытками помешать следствию. Некоторое время назад мы начали расследование подобных помех, организуемых масонами, правыми экстремистами и мафией.

Им не только мешали, их запугивали. А когда стало ясно, что Амброзоли не желает идти на сделку с совестью, его убили. Четыре пули из пистолета 38-го калибра, выпущенные одна за другой в грудь 45-летнего юриста, оборвали его жизнь и фактически пустили следствие под откос.

Арестовать удалось только одного из трех убийц, да и то лишь в июле 1982 года. Им оказался американец итальянского происхождения Уильям Арико, наемный убийца мафии.

— Синдона сам поручил мне убрать Амброзоли, — поведал Арико американским полицейским после своего ареста.

Но это признание не будет повторено. За несколько месяцев до того, как Синдона был выдан итальянским властям для суда над ним по обвинению и в убийстве Амброзоли, другой гангстер, с которым Арико пытался бежать из тюрьмы, разможил ему череп. Однако в распоряжении итальянских властей имеются свидетельства, что Синдона уплатил Арико за убийство Амброзоли 50 тысяч долларов. Так что основания для того, чтобы припереть банкира мафии к стене, есть. Вопрос заключается лишь в том, чтобы ими воспользовались.

Джорджо Амброзоли был далеко не единственной жертвой в темной, запутанной истории с Микеле Синдоной. За месяц до бегства проворовавшегося банкира из Италии был убит полковник Рокка, шеф экономического отдела итальянской секретной службы, вплотную занявшийся изучением связей Синдоны с американской мафией. Примерно в то же время был застрелен журналист Мино Пекорелли, который решил разоблачить масонскую ложу «П-2» и попутно рассказать об отношениях Синдоны с демохристианами. Спустя не-

сколько дней после убийства Амброзоли пуля настигла заместителя начальника полиции Палермо, державшего под своим контролем действия сицилийских членов «Коза ностры» — итальянской ветви американской мафии. К тому же времени относится таинственное исчезновение американского журналиста, который участвовал в проводимых через швейцарские банки операциях по «отбеливанию» денег мафии. К этому списку следует добавить смерть двух ближайших сотрудников Синдоны. По официальной версии, они сами свели счеты с жизнью, но, поскольку стало известно, что оба изъявляли желание помочь следователям, занимавшимся «делом Синдоны», самоубийство куда больше смахивает на убийство.

Мафия не стесняется в средствах, когда речь идет об обеспечении ее интересов и сохранении тайны.

3. Финансовый директор ложи «П-2»

Закулисные властители

Расследование дела Синдоны привело полицейских в ночь на 18 марта 1981 года на виллу «Ванда» близ Ареццо. То, что там они нашли, оказалось полной неожиданностью. Искали змею, а выудили целый клубок их. На вилле магистра масонской ложи «Пропаганда-2» Личо Джелли обнаружили список 953 членов ложи, среди которых оказались не только Синдона и Кальви, но и лидеры правого крыла партии христианских демократов, министры-социалисты, руководители социал-демократов, прокуроры и целых 42 генерала и адмирала, включая руководителей секретных служб и начальника генерального штаба. По свидетельству французского журнала «Пуэн», сам Джелли объяснял, что «П-2» означает не только «Пропаганда-2», а также «Власть-2». «Власть-1» — это официальные институты, а масонская ложа, пустившая ядовитые щупальца в государственный аппарат, олицетворяет «Власть-2», претендующую на то, чтобы встать над первой.

Находка потрясла общественность и вызвала глубокие трещины на фасаде итальянской государственности. Вот уже который год дело «П-2» остается в центре внимания, поскольку ложа оказалась тайным центром власти. Демократические круги называют ее «Порчале-2», то есть «Свинарник-2». Влиятельные силы не оставляют надежд скрыть хотя бы то, что еще не стало достоянием гласности, а, судя по всему, тайного и поныне больше, чем явного.

Достаточно известна роль Микеле Синдоны в «П-2». «Скандал масонской ложи «П-2», который вызвал отставку правительства Арнальдо Форлани, — резюмировало в конце мая 1981 года агентство Франс Пресс, — завершающий этап злостного банкротства «Банка привата итальяна», которым руководил финансист Микеле Синдона». В связи с крахом Синдоны следствие назвало имена многих его подручных и покровителей, но среди них не было Умберто Ортолани.

Эта личность заслуживает особого внимания. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что именно Ортолани не только принял эстафету финансовых махинаций от Синдоны и Кальви, но и являлся главным банкиром масонов и мафии. Клара Кальви, вдова банкира, даже утверждала, что в иерархии тайной масонской ложи Умберто Ортолани значился впереди Личо Джелли. Вполне возможно. Самые могущественные финансисты, как правило, предпочитают быть, а не слыть. Излишняя шумиха вокруг имени может только чинить помехи. Это Кальви на своих визитных карточках подробно перечислял посты, которые занимал. А Дэвид Рокфеллер, находясь однажды в Москве, дал корреспонденту Всесоюзного радио скромную карточку, на которой стояло только его имя. Дэвид Рокфеллер не нуждается в представлении.

Конечно, Ортолани по финансовому могуществу с ним в сравнение не идет. Но у него были свои веские причины избегать рекламы. Даже в то время, когда вокруг Синдоны и Кальви курился фимиам, Ортолани упорно держался в тени, отнюдь не стремился к популярности. Для него дело было важнее, чем разговоры о деле. И только позже, когда стали достоянием гласности некоторые данные о масонской ложе «П-2», его имя мелькнуло на страницах газет и журналов.

Сведения приводились крайне отрывочные. Всего несколько фактов. Но каждый из них приоткрывал занавес сверхтайн.

Умберто Ортолани, он же граф Малатеста, оказался финансовым директором ложи «П-2». А это значит, что он заправлял немалыми финансовыми средствами этого могущественного закулисного центра власти в Италии.

Министр финансов в любом правительстве — фигура ключевая. А в таком тайном кабинете, как ложа «П-2», распорядитель финансов играет особенно значимую роль.

Ортолани и Джелли не то что правительственных советников — министров меняли. Они же решали, кому быть руководителями секретных служб. В ложу «П-2», даже по не-

полным данным, входили 3 министра, 23 депутата парламента, 10 префектов, 10 генералов корпуса карабинеров, 6 адмиралов, 7 генералов финансовой гвардии, 83 руководителя государственных компаний, 47 директоров банков, множество судей и прокуроров, высокопоставленных чиновников и дипломатов, даже штатные шпионы и продажные профсоюзные деятели.

Финансовый директор ложи «П-2» — это влияние, помноженное на могущество. При этом следует иметь в виду, что могуществом масонской ложи, хотя ее справедливо характеризовали как закулисный центр власти, дело отнюдь не ограничивается. За спиной Ортолани вырисовывается не менее таинственный, чем ложа «вольных каменщиков», и не менее влиятельный мальтийский орден.

Если масоны впервые дали о себе знать примерно 200 лет назад, то создание мальтийского ордена уходит в глубь средневековья. Этот орден возник во время крестовых походов, когда «монахи-воины» составляли армию католической церкви.

Под его знаменами и сегодня собираются воинствующие крестоносцы, которые обращают рвение религиозных фанатиков на борьбу с коммунизмом. Это он, мальтийский орден, сразу после второй мировой войны помог тысячам нацистских военных преступников, в том числе «лионскому палачу» Клаусу Барбье, бежать в Латинскую Америку. Это он, мальтийский орден, вручил в 1948 году одну из своих высочайших почетных наград — Большой крест за заслуги — западногерманскому, а ранее гитлеровскому генералу Рейнхарду Гелену за его заслуги в создании антисоветской шпионской сети. До Гелена крест имели всего три человека. А ведь генерал не был католиком, но его считали столь ценным союзником в крестовом походе против безбожников-марксистов, что не стали держаться за догму.

Рыцарями мальтийского ордена являются бывший государственный секретарь США, а до того главнокомандующий войсками НАТО в Европе Александр Хейг, директор Центрального разведывательного управления в администрации президента Рейгана Уильям Кейси.

Умберто Ортолани и в этом ордене играет первую скрипку. Деталь, но многозначительная: его адвокатская контора в Риме (а официально Ортолани представлялся адвокатом) располагалась в двух шагах от старинного особняка на улице Кондотти, где находится капитул мальтийского ордена. В этом особняке об Ортолани говорят только в возвышенном стиле.

— Ортолани более двадцати лет наш «магистерский рыцарь». Это видный дипломат. Кроме того, как мы можем сомневаться в таком человеке, как Ортолани, который принадлежит к числу «камер-юнкеров» папы?

Если уж на то пошло, то сомневаться при наличии оснований можно не только в «камер-юнкере», но и в архиепископе. Напыщенный пафос факты не заменяет и не опровергает. Скорее наоборот. Ведь и о целях мальтийского ордена его руководители говорят в таком же духе: «Исключительно благотворительная деятельность». А в действительности она выливается в злобный антисоветизм и антикоммунизм. Ортолани великолепно вписался в этот орден.

В 1978 году он был назначен послом мальтийского ордена в Уругвае, а шесть месяцев спустя вручил начальнику генерального штаба уругвайской армии Луису Кейроло Большой крест за заслуги мальтийского ордена.

Там, в Уругвае, где он владел «Банко финансiero суд-американо», сокращенно «Бафисюд», к голосу Ортолани прислушивались с особым вниманием. Орден от него генерал Кейроло получил не за воинские доблести — их и в помине не было, — а за пособничество Ортолани в финансовых операциях. Ретивый генерал поверил, что, открыв двери иностранному капиталу, он превратит Уругвай в процветающую страну. Ортолани сумел снять с политики благоприятствования иностранному капиталу жирные сливки. За каких-нибудь три года «Бафисюд» увеличил объем банковских операций в три раза, доведя их до 150 миллиардов лир. Значительную часть прибылей Ортолани реинвестировал в спекулятивные операции с недвижимым имуществом. Как ни мягки были уругвайские законы, но действия финансового директора ложи «П-2» столь грубо обходили их, что полиция стала с подозрением поглядывать на него. Не будь такого защитника, как генерал Кейроло, Ортолани мог бы попасть в просак. Но кавалер Большого креста отлично понимал, за какие заслуги он получил награду. Ортолани, а вместе с ним и Джелли не упускали ни малейшего удобного случая и скупали по дешевке земельные участки, имения, целые жилые комплексы на Атлантическом побережье близ Пунтадель-Эсте. Перестроив старый особняк в центре Монтевидео, Ортолани превратил его в самую крупную картинную галерею Уругвая.

В римской резиденции мальтийского ордена на махинации умышленно закрывали глаза.

— Ортолани на свои средства построил в Монтевидео больницу и институт для инвалидов. Оба эти учреждения за-

регистрированы как собственность мальтийского ордена, — горделиво заявляли на улице Кондотти.

Благотворительность, особенно если она дает возможность «сэкономить» на уплате налогов, всегда была в чести у дельцов. Ортолани, он же граф Малатеста, не первый и не последний. И умиляться больницей и институтом для инвалидов можно было бы по простодушному неведению, но в нем искушенных руководителей мальтийского ордена упрекать просто неприлично. «Мы выдерживали катаклизмы более тысячи лет», — говорят мальтийские рыцари. Опыт у них есть, и умение видеть то, что не афишируется, тоже.

К Латинской Америке Ортолани проявлял особый интерес. Синдона любил повторять, что он выступал посредником между Старым и Новым Светом. Бахвальство это. Путь деньгам мафии и масонов через Атлантику проложил Ортолани.

Сначала он обосновался в Швейцарии, затем перебрался в Аргентину. Политическую тропу туда протоптал Джелли. В первые послевоенные годы, замечая следы своего фашистского прошлого, он немало поколесил по Южной Америке. Там познакомился с главарями итальянских фашистов и сумел им помочь получить оставленные на Апеннинах ценности. Действовал Джелли через парламентариев — христианских демократов, которые очень не хотели, чтобы стало известно об их фашистском прошлом. А Джелли имел на этот счет документальные доказательства, поскольку стал собирать «интересные» документы еще до войны, и, припугнув парламентариев, заручился их поддержкой. С тех пор «стратегия шантажа», как он цинично называет свой метод, стала его главным орудием.

Заручившись покровительством аргентинских властей, Джелли получил аргентинское гражданство, сохранив и итальянское, а вскоре после этого был аккредитован экономическим советником при аргентинском посольстве в Италии. В этом качестве он с гордо поднятой головой вернулся на родину, возглавил компанию по производству пружин для матрасов и стал процветать. Но могущество его основывалось не на пружинах, а на «стратегии шантажа». Чтобы стать членом ложи «П-2», в которой Джелли очень скоро стал играть решающую роль, каждый вступающий должен был передать великому магистру информацию компрометирующего характера о каком-нибудь деятеле и рассказать о себе всю подноготную.

Специальная парламентская комиссия, которая два с поло-

виной года занималась расследованием подрывной деятельности масонской ложи «П-2», со ссылками на документы и свидетельские показания, в своем докладе констатировала, что ложа превратилась, по сути дела, в параллельный центр политической власти в Италии. Это превращение началось с приходом в ложу Личо Джелли.

Председатель специальной парламентской комиссии Тина Ансельми на вопрос журнала «Панорама», насколько серьезно «явление» ложи «П-2», дала такой ответ.

— Серьезность, — сказала Тина Ансельми, — заключается в тех целях, какие она ставила и которых, к счастью, не достигла, потому что она, несомненно, использовала правые подрывные силы, чтобы ослабить систему, пыталась установить изнутри свой контроль над государственными институтами, совершенно очевидно для того, чтобы подчинить их себе, использовать в своих целях.

Депутат парламента от партии христианских демократов Тина Ансельми дальше просто не могла пойти. Хотя во главе специальной комиссии по расследованию ложи «П-2» она добросовестно выполнила долг, Ансельми даже не рискнула задуматься над вопросом, что же это за система, если, оставляя ее внешнюю оболочку, можно существенно изменить содержание.

«Если вы путчисты, то я могу предложить вам подходящего банкира», — резюмировал деятельность Джелли журнал «Эспрессо».

Сам Джелли был «кукловодом». Он дергал веревочки, а двигались в заданном направлении и осуществляли предписанные действия Синдона и Кальви, которые служили и мафии, и Ватикану, и масонам. А за тем, чтобы в первую очередь соблюдались интересы масонской ложи «П-2», следил Умберто Ортолани.

Однако и Джелли вкупе с Ортолани не представлял собой верхушку пирамиды.

В минуты откровения в бытность пребывания в тюрьме тайный агент французской разведывательной службы член масонской ложи «П-2» Элио Чолини изрек:

— Джелли получал директивы как от «Трехсторонней комиссии», так и от некоторых итальянских правоцентристских политических кругов.

Джелли открыто и во всеуслышание провозглашал, что он — антикоммунист. Знал, чем можно снискать расположение членов «Трехсторонней комиссии», в которой в целях координации борьбы Запада против социализма, против СССР объединились крупные монополисты и политологи США, За-

падной Европы и Японии. Знал он и то, что многие члены «Трехсторонней комиссии» значатся в списках масонских лож.

Оптом и в розницу

«Трехсторонняя комиссия» заказывала музыку, Джелли ее оркестрировал, Ортолани распределял партии, то бишь суммы, которые должны были обеспечить Синдона и Кальви.

Это было куда удобнее, чем действовать прямо. Бывший директор ЦРУ США Уильям Колби в 1981 году, хвастая своими заслугами, поведал, как во время парламентских выборов в Италии в 1953 году американская секретная служба израсходовала «несколько миллионов», чтобы помочь демокристам сохранить господствующие позиции.

Помощь, как пишет У. Колби, шла главным образом на финансирование политической деятельности: издание пропагандистских материалов, организацию съездов и митингов и т. д. Не гнушались американские агенты и раздуванием клеветы по адресу коммунистов. Но одно худо — надо было тщательно скрывать источник финансирования, ибо, как признает У. Колби, «коммунисты сразу же обвинили бы тех, кому предназначалась эта помощь, в том, что они за деньги служат Вашингтону».

Вот в ЦРУ и придумали приспособить для вмешательства во внутренние дела Италии масонов. Так «П-2» стала орудием шпионско-подрывного ведомства США. Именно Джелли финансировал неофашистские террористические организации, входившие в «Ордино нуово» («Новый порядок»).

С конца 60-х годов в Италии загремели взрывы. Первая бомба взорвалась в декабре 1969 года, в зале Миланского сельскохозяйственного банка. 16 человек были убиты, почти 100 ранены. Как стало ясно позднее, это была первая акция «стратегии напряженности», призванной дестабилизировать государственные институты и создать условия для крайне правого переворота. Затем взорвались бомбы в поезде «Италикус» и на вокзале в Болонье. Был похищен и убит склонявшийся к соглашению с коммунистами видный деятель партии христианских демократов Альдо Моро. После трагедии в Болонье, где погибли более 80 человек, казалось, террористы затихли. Но это была только передышка. В де-

кабре 1984 года в поезде Неаполь — Милан, в том же тоннеле между Флоренцией и Болоньей, где сработала бомба в экспрессе «Италикус», прогремел новый взрыв. 15 убитых, более 100 раненых.

К тому времени было документально доказано, что финансировал и организовал взрыв на вокзале в Болонье Личо Джелли, а осуществили террористический акт неофашисты. Масоны, выполняющие волю ЦРУ, оказались причастны и к другим преступлениям. Есть основание полагать, что взрыв в поезде Неаполь — Милан — дело их рук. Как видно, корни остаются в земле. Тайный центр власти не обезврежен.

Джелли не раз выполнял задания ЦРУ. В конце 60-х годов, как мы уже отмечали, он перевел немалые суммы греческим «черным полковникам». Говорят, он любил, чтобы в узком кругу и его называли «полковником». В 1975 году, сообщала газета «Республика», Джелли предоставил финансовую помощь лидерам неофашистской партии ИСД-НПС. Магистр ложи «П-2» выложил им миллиард лир. Субсидирование лидеров ХДП обошлось во многие миллиарды. 30 миллиардов досталось лидерам социалистической партии. Среди документов, обнаруженных полицией на вилле «Ванда», был и такой. «Союз швейцарских банков, Лугано, номерной банковский счет № 633369, принадлежащий депутату К. Мартелли. 28 октября 1980 года на этот счет по доверенности с ЭНИ (так сокращенно называется Национальное общество жидкого топлива) была внесена доктором Кальви сумма, равная 3 500 000 долларов. После подписания соглашения, которое состоится 20 ноября 1980 года между д-ром Р. К. и Д. Д. Л., будет сделан новый взнос в сумме 3 500 000 долларов».

Р. К. — это Роберто Кальви, а Д. Д. Л. — Леонардо Ди Донна, одно время руководивший ЭНИ и снискавший (не бесплатно!) доверие у ХДП и соцпартии.

Получив документ, миланская прокуратура начала расследование. В частности, был произведен обыск на квартире Ди Донны. Обыск ничего не дал, поскольку влиятельные лица своевременно предупредили Ди Донну.

Судя по всему, и обыскивающие не проявили большого рвения. Ведь известно, что банкиры мафии перевели в швейцарские банки 50 миллиардов лир, которые предназначались для оплаты определенных услуг представителей судебных властей.

В 1975 году один только прокурор Рима Кармелло Спаньюла получил 20 миллионов лир.

Масоны, что называется, на корню покупали стражей закона, заранее обеспечивая себе их благосклонность. Если же кто-то проявлял строптивость, пытался честно выполнять свой долг, то в лучшем случае наткнулся на непреодолимую стену. «Органы правосудия, проявлявшие интерес к терроризму, — писал журнал «Панорама», — знают, что в эти годы следователи, часто стоявшие на пороге истины, были вынуждены поднять белый флаг, капитулировать перед невидимым противником».

Он оказался весьма могущественным, этот невидимый противник. Известный итальянский адвокат Гвидо Кальви, однофамилец банкира Роберто Кальви, говорил:

— Во многих случаях органы юстиции не наказывают преступников, а помогают им уйти от наказаний. Особенно когда речь идет о политических скандалах. Можно украсть булку и оказаться за решеткой, а можно красть миллиарды или организовать подрывной заговор и отделаться легким испугом.

В 1983 году Высший совет магистратуры (так называется контрольный орган всей судебной системы Италии) начал три расследования по делу работников сицилийских органов правосудия, подозреваемых в связях с мафией.

Непосредственным толчком к этому явилось убийство следователя Рокко Кинничи. В тихое августовское утро, когда он вышел из своего дома и направился к ожидавшей его бронированной машине с карабинерами, раздался страшный взрыв. На воздух взлетел стоявший у подъезда небольшой «Фиат». Взрывной механизм был приведен в действие по радио. Следователь, двое его охранников и привратник дома были убиты, 14 человек, в том числе несколько детей, получили ранения. После этого в Сицилии приняли закон, запрещающий парковать автомобили возле государственных учреждений и домов, где живут работники суда и прокуратуры.

Рокко Кинничи был известен как решительный противник мафии. За это его и убили.

После гибели Кинничи был обнаружен его «тайный дневник». Он-то и наделал много шума. В своих записках Кинничи, например, зафиксировал, что Франческо Скоццари, один из ведущих работников органов правосудия Палермо, во время судебного процесса по делу одного из главарей мафии многозначительно посоветовал непреклонному следователю «беречь свою шкуру». На основании ряда подобных фактов Кинничи называл в дневнике Скоццари «мафиози» и «лакеем мафии». Эта характеристика подкреплялась столь

убедительно, что Франческо Скоццари сначала перевели на другой пост, а вскоре уволили в отставку. Но четыре других работника органов правосудия, в том числе генеральный прокурор Палермо, действия которых Кинничи подвергал критике, были полностью реабилитированы.

В своих личных заметках Кинничи давал понять, что у него вызывает глубокую тревогу деятельность правительственного комиссара Эмануэле Де Франческо, преемника генерала Далла Кьеза.

«Один мафиози из Сиракуз, арестованный властями, — писал Кинничи, — сказал одному из работников органов юстиции, что правительственный комиссар информирует одного предпринимателя из Катании, более или менее близкого к мафии, о ходе следствия по делу об убийстве генерала Далла Кьеза».

Деятельность Де Франческо вызывала сомнения и у парламентской комиссии по борьбе с мафией. Многие ее члены считали, что он больше занимается бюрократией, чем ведет борьбу, и наметил слишком долгие сроки для успешного завершения борьбы с мафией — 2000 год.

Конечно, показания мафиози требуют критической проверки. Но бездействие Де Франческо очевидно. Как очевидно и то, что в Риме с ним мирились.

Незадолго до того, как Высший совет магистратуры вплотную занялся расследованием дел об убийстве последовательных противников мафии на Сицилии, самому совету пришлось выдержать сильный натиск. Римская прокуратура выдвинула против Высшего совета обвинение в том, что его члены, дескать, во время своих заседаний потребляли слишком много кофе и бутербродов, израсходовав на эти цели 27 миллионов лир, сумму, эквивалентную 19 тысячам долларов. Генеральный прокурор Рима Акилле Галлуччи тут же поспешил начать судебное расследование. 30 членов Высшего совета магистратуры получили судебные повестки, а президенту Италии Алессандро Пертини, который по конституции является председателем этого совета, представили живописную картину огромных злоупотреблений. Прокуратура требовала смещения членов совета и роспуска самого этого органа.

Кое-кто в Италии склонен был расценивать случившееся как бурю в чашке кофе. Но на деле это была продуманная и организованная атака правых с целью защиты себя и своих хозяев.

Борьба шла вокруг масонской ложи «П-2». Столкновение началось с того, что Высший совет магистратуры

опротестовал решение римского судьи Эрнесто Кудилло фактически прекратить дальнейшее расследование подрывной деятельности масонской ложи и снять обвинение со всех ее членов.

Судья Кудилло не пожалел усилий, чтобы заполнить своими хитроумными умозаключениями 160 страниц машинописного текста. А весь их смысл укладывался в одну единственную фразу: поскольку, утверждал судья, настоящим вдохновителем и руководителем «П-2» был один лишь Личо Джелли, следует дождаться результатов следствия по его делу, прежде чем решать, является ли вся ложа опасной для государственных институтов или нет.

«Прежде в Риме любой ценой стремились сосредоточить все нити расследования вокруг «П-2», — писала газета «Уни-та», — и вот результат: Личо Джелли? Вульгарный хвостун, фальсификатор, который обманул всех этих хороших людей. Они, дескать, вступили в ложу, не будучи сколько-нибудь проинформированы о том, что речь идет о секретной и антигосударственной организации. В итоге все они сейчас оправданы».

Примечательно, что первыми, кому судья Кудилло выдал индульгенции, были судейские — главный прокурор Милана Мауро Грести, его заместитель Лука Муччи, бывший вице-президент Высшего совета магистратуры Уго Дзелетти. Всем троим вменялось в вину использование служебного положения в личных целях и сознательное раскрытие служебных секретов. Эрнесто Кудилло перечеркнул эти обвинения одним росчерком пера.

Стоило Высшему совету магистратуры сообщить, что он намерен ознакомиться с документами римской прокуратуры, которую журнал «Эспрессо» назвал «судебным органом, вызывающим наибольшие споры в Италии», как сенатор христианский демократ Клаудио Виталоне возбудил судебное дело против пяти самых решительных сторонников расследования, которые таким образом из обвинителей превратились в обвиняемых. Стоило Высшему совету магистратуры уволить из органов правосудия судей, особенно скомпрометировавших себя связями с ложей «П-2», как генеральный прокурор Рима Акилле Галлуччи, как уже отмечалось, попытался привлечь его членов к уголовной ответственности, обвинив в растрате.

Этот Галлуччи еще за год до выводов судьи Кудилло ратовал за оправдание главных заговорщиков. На сомнительные действия Акилле Галлуччи указывала раньше Тина Ансельми, председатель специальной парламентской ко-

миссии по расследованию незаконной деятельности тайной масонской ложи «П-2».

Связи Акилле Галлуччи с правым крылом ХДП и с другими консервативными силами ни для кого, кто знаком с политической жизнью Италии, секретом не являются. А специальная парламентская комиссия имеет веские основания считать, что он и с масонами был на короткой ноге.

В досье комиссии хранится запись весьма многозначительного телефонного разговора, состоявшегося зимой 1975 года. Звонил командующий финансовой гвардией генерал Рафаэле Джудиче. Тот самый, который укрывал нефтепромышленников, уклонявшихся от уплаты налогов. Но об этом стало известно много позже. В те времена Джудиче был еще в полной силе. Обращался он к... Галлуччи.

Предметом разговора была судьба генерала Вито Мичели, арестованного по подозрению в подготовке путча.

— Мичели невиновен, — убеждал Джудиче. — Кроме того, он член нашей организации.

Проходит еще несколько дней, и Джудиче по телефону спешит сообщить одному из своих друзей:

— Мое обращение к Галлуччи сыграло решающую роль для освобождения Мичели.

Судя по всему, решающую роль сыграло не заявление командующего финансовой гвардией о невинности Мичели, а ссылка на «нашу организацию». Джудиче и Мичели входили в ложу «П-2». Значит, и Галлуччи был масоном?

Еще одно упоминание о римской прокуратуре содержится в записи на пленку другого подслушанного телефонного разговора. 21 января 1982 года адвокат Федерико Федеричи позвонил своему другу Личо Джелли.

— Один журналист, — сказал адвокат, — хочет взять у вас интервью.

— Лучше подождать, — ответил магистр. — Прокуратура вот-вот примет решение. И это решение будет более чем благоприятным.

Джелли как в воду смотрел. Принятое римской прокуратурой решение полностью соответствовало его расчетам.

Фигура Галлуччи вырисовывается и в деле Роберто Кальви. Органы юстиции располагают документами о том, что президент «Банко Амброзиано» выплатил миллиардные суммы римской прокуратуре, чтобы избавить себя от неприятностей с судебными органами. В ней он был уверен.

И вот этот Акилле Галлуччи пошел в атаку на Высший совет магистратуры, чтобы он не мешал ему покрывать масонов.

Замах был слишком большой. Скандал приобрел общенациональное значение. Газета «Паэзе сера» писала, что операция Галлуччи «почти равноценна государственному перевороту». Президент Пертини встал на защиту Высшего совета магистратуры.

Однако этим дело и ограничилось. Запрос членов сенатской группы левых независимых министру юстиции с требованием принять дисциплинарные (о большем и вопрос не ставился!) меры против Галлуччи «за злоупотребление властью» даже не был удостоен ответа. Министр юстиции Клелио Дарида без обиняков заявил, что его министерство не даст произвести какое бы то ни было расследование действий римской прокуратуры. В связи с этим журнал «Панорама» напомнил, что прежде Дарида был мэром Рима и именно он дал возможность Галлуччи править прокуратурой как древнему консулу.

Прошло еще полгода, и в интервью газете «Гадзеттино» у Тины Ансельми вырвался крик души:

— Я продолжаю спрашивать себя, не заключается ли одна из причин слабости, проявляемой государством в борьбе против подрывной деятельности и терроризма в стране, в том «воздействии», которому со стороны ложи «П-2» подверглись итальянские секретные службы, да и не только секретные службы.

Пожалуй, в то время Тина Ансельми даже не предполагала, насколько она права.

В ноябре 1984 года римский апелляционный суд оправдал заговорщиков из неофашистского «национального фронта», принимавших участие в путче под руководством «черного князя» Валерио Боргезе. Их выступление должно было произойти в ночь с 7 на 8 декабря 1970 года. Неофашисты начали уже приводить в действие механизм заговора, как последовала команда от Личо Джелли отменить вылазку.

Итальянская Фемида привлекла путчистов к суду лишь восемь лет спустя и отнюдь не была строга к заговорщикам. Все же 46 человек по обвинению в «политическом заговоре» были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Но в 1984 году апелляционный суд пришел к заключению, что никакого заговора не было, а следовательно, нет и виновных.

Влияние тайных сил на итальянские органы юстиции и поныне велико. По требованию адвокатов Ортолани в 1984 году римский суд запретил книги, в которых рассказывалось о преступных деяниях ложи «П-2» и ее финансового директора. Достаточно было Ортолани заявить, что он «оскорблен

и оклеветан», как Фемида встала на защиту чести его мундира, поправ истину. Как видно, могущество масонов не сломлено.

В Италии нет более крупного газетного издательского концерна, чем «Риццоли». Ему служат 9400 человек. Он издает 6 ежедневных газет, в том числе и крупнейшую на всем Апеннинском полуострове «Коррьере делла сера», тиражом 600 тысяч экземпляров, 13 еженедельников, 11 ежемесячных журналов. Щупальца этого спрута держат за горло местную прессу и частное телевидение. Это гигантский аппарат обработки общественного мнения.

И вот масоны из «П-2» попытались подчинить «Риццоли», чтобы поставить концерн себе на службу. Осуществил акцию финансового захвата издательства Умберто Ортолани.

Первые контакты между масонами и «Риццоли» были установлены в начале 60-х годов. Началось с того, что президента издательства Анджело Риццоли, его брата Альберто и генерального директора Бруно Тассан Дина вовлекли в масонскую ложу. Сделать это было довольно просто, поскольку входить в «П-2» в кругах промышленных и финансовых магнатов Италии считалось не то что хорошим тоном, а необходимостью. Потом членами ложи стали и ведущие журналисты газеты «Коррьере делла сера», начиная с главного редактора Франко ди Белла.

В 1976—1977 годах началось финансовое внедрение масонской ложи в издательство. Как поведал в покаянном письме парламентской комиссии по расследованию деятельности ложи «П-2» оказавшийся за решеткой Тассан Дин, в то время Ортолани оказывал издательству «щедрую финансовую помощь».

Бескорыстным благодеянием эта помощь и не пахла. Это было начало захвата издательства. В 1978 году был нанесен решающий удар, в результате которого «Риццоли» со всеми газетами и журналами попал под власть масонов, а Ортолани стал членом административного совета издательства с решающим голосом.

Это была хитроумная операция с сильным привкусом финансовых махинаций. Непосредственным исполнителем ее был Роберто Кальви, и, как утверждает итальянский журнал «Мондо», к ней имел отношение глава Ватиканского банка епископ Марцинкус.

Не остались внакладе и прежние владельцы.

— Приятно было продать то, что тебе не принадлежало, — сказал Анджело Риццоли.

Руль издательства «Риццоли» был повернут резко впра-

во, и быть бы ему рупором махровой реакции, если бы в мае того же 1981 года не разразился политический скандал, вызванный разоблачением закулисных интриг и террористических актов масонской ложи «П-2».

Когда Анджело и Альберто Риццоли вместе с Бруно Тассан Дином в начале 1983 года были арестованы по обвинению в «злостном банкротстве и подделке финансовых счетов» — в их руках таинственно исчезли 29 миллиардов лир, — в связи с этим делом на короткое время угодил за решетку и финансовый директор ложи «П-2». Журнал «Эспрессо» утверждал, что Джелли, Ортолани и группа руководителей издательства «Риццоли» на продаже акций и других махинациях заработали около 4 миллиардов лир. Но Ортолани, братья Риццоли и Тассан Дин недолго пребывали в тюрьме. Когда в октябре 1984 года окончательно решался вопрос, кто будет хозяином погрязшего в скандалах издательства «Риццоли», у Анджело Риццоли и Бруно Тассан Дина чуть ли не подобострастно спросили, согласны ли они продать свои подмоченные спекуляциями акции. Чудеса, да и только!

— Список членов масонской ложи «П-2», переданный органам правосудия, — говорил руководитель римской ложи «Великий Восток» Франческо Синискальки, — насчитывает всего лишь 953 фамилии. А ведь членами ложи «П-2» были 1720 человек. Следовательно, 767 влиятельных членов ложи продолжают действовать!

В этих словах — ключ к пониманию многих «чудес», происходящих в Италии и по сей день.

Италия была главным, но не единственным полем преступной деятельности ложи «П-2» и ее банкиров.

В то время, когда газеты были полны сообщений о крахе «Банко Амброзиано», его долге в 1 миллиард 400 миллионов долларов и загадочной смерти Кальви, на телеэкранах американской компании Эй-би-си появился на первый взгляд невзрачный старичок с отнюдь не потерявшим уверенности взглядом. Это был Микеле Синдона. Прямо в тюремной камере он давал интервью.

— Значительная часть кредита «Банко Амброзиано», — говорил Синдона ровным, спокойным голосом, — пошла на нужды определенных сил в Латинской Америке. Кальви финансировал там газеты, исходя из идеологических соображений, давал деньги и политическим партиям. Генералам и диктаторам он их переправлял по тайным каналам.

Синдона сам начинал эту деятельность, он закладывал ее основы. Еще в 1971 году Синдона и Кальви основали на Багамских островах филиал миланского банка «Банко Амбро-

зиано оверсиз». Позже Кальви уже единолично создал там второй филиал — «Амброзиано груп».

На Багамские и на соседние Бермудские острова международный бизнес привлекают налоговые льготы и благоприятное законодательство. Там нет подоходного налога, налога с корпораций, налога с суммы дивидендов, распределяемых среди держателей акций, и налога на увеличение рыночной стоимости. Только на Бермудах насчитывается более 5500 компаний, освобожденных от уплаты налогов. Правительство довольствуется арендной платой за помещения и некоторыми текущими выплатами компаний. В 1981 году они истратили 130 миллионов долларов. Для бермудской экономики и это благо. А сколько благодаря льготам компании украли из национальной казны, остается тайной, не менее загадочной, чем «бермудский треугольник».

На Багамских островах один банк приходится на каждые 800 жителей. Долгое время считалось, что по этому показателю первое место в мире занимает Швейцария. Там одна банковская контора приходится на 1300 жителей. Багамы, как показывает сопоставление, резко обошли страну эдельвейсов.

На улицах Нассау красуются вывески крупнейших банковских империй. Но внутри зданий, как убедились репортеры газеты «Нью-Йорк таймс», обосновались крохотные конторы, занимающие одну-две комнаты. Трудится там несколько сотрудников, но, если верить официальным отчетам, через их руки проходят десятки миллиардов и основная часть громадных прибылей каждого из гигантов банковского бизнеса.

В действительности миллиарды никогда не попадают на острова в Карибском море. Клерки заносят в книги кредитные сделки, реально совершенные за тысячи километров от конторы, и прибыли, полученные банком от этих сделок. Что это дает банкам? Весьма существенный дополнительный доход, который в случае, если бы операция оформлялась на родине банка, должен был бы быть выплачен в виде налогов. В 1976 году, например, казна Нью-Йорка лишилась таким образом 12 миллионов 600 тысяч долларов. Крупнейший город США слывет одним из центров американского преступного мира, но гангстерские банды не всегда могут похвастаться такими барышами.

«Нассау, — писала «Нью-Йорк таймс», — для международного банковского дела то же, что и Либерия для международного судоходства: удобный флаг и свобода от налогов».

Технология банковских операций такова. Президент,

чтобы перевести прибыль, дает распоряжение зарубежному филиалу «Банко Амброзиано» предоставить беспроцентный кредит одному из багамских отделений. Прибыль одним росчерком пера превращается в кредитную сумму и налогообложению не подлежит. А на Багамах кредит снова становится прибылью, которой ничто не грозит вследствие налоговых льгот. Банк выигрывает, казна страдает. Называется это банковской операцией, а является самым явным уклонением от уплаты налогов, то есть уголовным преступлением.

Налицо откровенное мошенничество. Однако до тех пор, пока грязные махинации, прикрываемые покровом коммерческой тайны, не становятся достоянием скандальной гласности, попробуйте сказать банкиру, что он жулик. Да он целую свору таких адвокатов спустит, по сравнению с которыми цепные псы покажутся безобидными ягнятами. Не успеет обидчик оглянуться, как за «клевету» и «оскорбление личности» окажется в тюрьме. Ведь и Сипдона, и Кальви долго слыли образцом добропорядочности. А оказались первостатейными ворами.

«Чем больше расследуют деятельность Кальви, тем больше обнаруживают доказательств его связей с беспокойным миром южноамериканской политики, где историю часто творят военные. Чем больше восстанавливают прошлую деятельность Джелли, тем яснее становится, что старый банк «Амброзиано» постепенно стал мощным финансовым институтом, которым по собственному усмотрению манипулировал почтенный магистр, дабы увеличить свое влияние на латиноамериканские правительства», — писал осенью 1982 года журнал «Эуропео».

В Буэнос-Айресе контора банка «Амброзиано» располагалась в центре города на улице Черрито, где находится и оперативный центр адмирала Эдуардо Массеры, одного из самых известных иностранных членов ложи «П-2», в прошлом фаворита президента Хуана Перона. Когда президентом стала его вдова Исабелита Перон, Ортолани свел Кальви с ее всемогущим советником и наперсником Лопесом Регой. В результате в Буэнос-Айресе появились два банка — «Групо Амброзиано Промосьонес и сервисос» и «Банко Амброзиано де Америка дель Сюд». Кальви сумел пустить в Аргентине столь глубокие корни, что его банки пережили и Исабелиту Перон, и Лопеса Регу. Банкир к своей выгоде воспользовался тем, что Аргентина является вторым по значению торговым партнером Италии в Латинской Америке и что там проживает 12 миллионов человек итальянского происхождения.

«Банко Амброзиано» открывал филиалы во многих стра-

нах Западного полушария. В Никарагуа обосновался «Амброзиано груп банко коммерсьаль ди Манагуа». Там Кальви стал компаньоном диктатора Сомосы. Официальным представителем банка был член семейства Сомосы — Хоакин Сомоса. Кальви, выполняя волю своих повелителей, финансировал режим Сомосы даже тогда, когда он уже шатался под ударами сандинистов. Точно так же в 1979—1980 годах в Гватемале Джелли и Кальви поддерживали кровавую диктатуру и одновременно через созданный там филиал «Групо Амброзиано» грабили природные богатства страны. В Чили банк Кальви имел долевое участие во второй по значению финансовой компании страны, которую чилийцы по аналогии с хищной и прожорливой рыбешкой прозвали «пираньей».

Там же, в Латинской Америке, Джелли, Ортолани и Кальви особенно прибыльно занимались тайной торговлей оружием. Одним ударом они убивали двух зайцев — снабжали оружием крайне правых и денежки гребли. Платило ЦРУ, которое и задание давало. Деньги перечислялись в «Банко Амброзиано» и его филиалы.

Миланская экспортно-импортная фирма «Стибам», за безобидной вывеской которой скрывалась организация по тайной продаже оружия, расположилась в помещении, принадлежащем «Банко Амброзиано». Значение этого факта раскрылось далеко не сразу. Миланскому прокурору Карло Палермо понадобились годы и незаурядное мужество, чтобы распутать клубок преступлений. За это время он подвергался давлению со стороны коллег, вынужден был преодолевать западни и даже отстранялся от должности, когда среди лиц, замешанных в торговле оружием, назвал родственника тогдашнего премьера. Однако Карло Палермо сумел доказать, что служебным положением злоупотребил не он. Тогда группа судей из Тренто вместе с членами официально распущенной к тому времени, но явно продолжающей действовать масонской ложи «П-2» обвинили Карло Палермо в «некомпетентности» и поставили вопрос о том, чтобы дело о подпольной торговле оружием и участии в ней секретных служб было передано римским судебным властям. Другими словами, в руки того самого Акилле Галлуччи, который даже парламентской комиссии по расследованию деятельности ложи «П-2» палки в колеса ставил.

Карло Палермо сумел изрядно разворошить муравейник. Мало того, что он установил тесную связь между контрабандистами и торговцами оружием и наркотиками, он выявил участие в грязных делах итальянских секретных служб, действовавших в тесном контакте с ЦРУ.

Обнаруженные документы раскрыли картину многомиллионных сделок. Одно Сомали в 1982 году получило оружия на 400 миллионов долларов. И какого оружия! 116 танков, 20 вертолетов «Кобра» и тысячи ракет к ним. При этом, как отмечала газета «Унита», поставлялось «новейшее оружие, о котором итальянская армия даже не мечтает».

Связующим звеном между ЦРУ и ложей «П-2» служил некий Франческо Пацьенца.

— Слушай, — сказал однажды в трудную минуту своему сообщнику в Италии находившийся в бегах Личо Джелли, — кто для нас важен, так это Пацьенца. Он связан с мафией и Хейгом. Говорят, он работает на ЦРУ.

Еще как работает. Бывший руководитель итальянской военной контрразведки генерал Джузеппе Сантовито называл его своей «правой рукой». У Хейга, последовательно занимавшего посты главнокомандующего войсками НАТО в Европе и государственного секретаря США, Пацьенца был «доверенным лицом».

Ходят слухи, что Пацьенца на пару с другим агентом ЦРУ, Майклом Ледином, сыграл злую шутку с итальянскими секретными службами, продав им за несколько миллионов, перечисленных на их текущий счет в Швейцарском банке, так называемое исследование о левацком терроризме, представляющее собой компиляцию старых общедоступных публикаций. Но ведь не исключено, что Сантовито знал, за что платит деньги. Генерал отнюдь не был чужд финансовых махинаций, и он вполне мог войти в сговор с двумя «тихими американцами». Тем более что всегда мог сослаться на их связи с ЦРУ. Кому-кому, а ЦРУ, дескать, нельзя не верить.

Именно Пацьенца на последнем этапе жизни Кальви давал советы банкиру. А потом, по официальной версии, как в воду канул.

Вот уж действительно, нет более слепых, чем те, кто не хочет видеть.

— Через несколько дней после смерти Кальви, — рассказывал член комиссии по расследованию деятельности масонской ложи «П-2» депутат-коммунист Антонио Беллоккио, — четыре человека, разыскиваемые властями, четыре человека, чьи показания были «на вес золота», спокойно играли в Женеве в теннис. Да, да, в теннис. Этими людьми были Ортолани, Джелли, Карбони и Пацьенца.

В начале 1984 года на Сицилии произошли два события, которые снова заставили всю Италию говорить о мафии. Незадолго до полуночи 4 января был убит публицист и драматург Джузеппе Фава. Автомобиль, в котором находился его

труп, обнаружили около здания театра, где накануне шла пьеса Фавы «Последнее насилие», разоблачающая преступления мафии. Фава и раньше смело вскрывал преступления «общества чести». Редактируемый им ежемесячник не проходил мимо ни одного злодеяния мафиози, ни одной их тайной операции, ставшей достоянием гласности. И вот Фава, четвертый журналист за период с 1970 года, был зверски убит.

А на следующий день полиция арестовала заместителя председателя областной джунты Сицилии, второго человека в местном правительстве социалиста Сальваторе Сторнелло. Ему предъявили обвинение в преступной деятельности, связанной с мафией. Как установило следствие, он получил взятку в несколько сот миллионов лир за то, что содействовал предоставлению контрактов компании, находившейся в руках мафии. Одновременно были арестованы еще 11 человек, итого — 12. Всех их судья Франческо Мизиани подозревал в том, что они связаны с Пацёнцой.

В декабре того же года итальянские власти, получив доверительные сведения о намерении Пацёнцы прибыть в швейцарский город Лугано, послали туда секретных агентов. Они полагали, что пять международных ордеров на арест Пацёнцы дадут им возможность наконец-то надеть на него наручники. В итоге же получился еще один скандал — швейцарские власти обвинили итальянских сыщиков в шпионаже, а птичка снова упорхнула.

Три месяца спустя Пацёнца был арестован в США. Итальянские власти тут же обратились с просьбой передать его им. В дополнение к предоставленным ранее ордерам на арест Пацёнцы итальянские власти выслали новые обвинительные материалы. Но в США не проявили стремления передать Пацёнцу итальянцам.

«У него и сегодня в США есть высокопоставленные покровители», — многозначительно заявило западногерманское агентство ДПА.

Банковский бандитизм

В сентябре 1982 года, загримировавшись, чтобы не быть узнанным, Джелли появился в помещении Союза швейцарских банков. Он хотел снять с номерных вкладов 120 миллионов долларов, положенных Кальви.

Но магистра ждало горькое разочарование.

Флавио Карбони, который до этого безропотно выполнял его любые указания, предал Джелли. Он заранее дал знать

полиции о визите Джелли. Прямо из чопорно-официального помещения банка Джелли в наручниках препроводили в тюрьму Шан-Долон.

За 30 послевоенных лет баланс швейцарских банков возрос в 20 раз. В 1950 году он составлял менее 30 миллиардов швейцарских франков, а в конце 1983 года достиг 600 миллиардов. Поразительные успехи достигнуты благодаря притоку иностранных капиталов, превративших Швейцарию в один из крупнейших банковских центров мира.

Об изоэтренности швейцарских финансистов еще Вольтер иронизировал: «Если женевский банкир прыгает в окно, прыгайте за ним — там деньги».

В принятом в 1934 году швейцарском банковском законодательстве есть статья 47, которая гласит: «Тот, кто, будучи сотрудником соответствующей организации или служащим банка, раскроет тайну, которая была ему доверена и с которой он ознакомился в силу своего служебного положения, а также тот, кто будет подстрекать других к нарушению служебной тайны, будет наказан тюремным заключением сроком до 6 месяцев или штрафом в сумме до 50 тысяч франков».

Статья 47 дает вкладчикам гарантию, равной которой нет во всем мире. Желающих воспользоваться ею становится все больше. Дело в том, что эта статья гарантирует налоговые льготы. В Италии, равно как в США, Франции, Англии, ФРГ, налоговое ведомство может потребовать раскрытия тайны вкладов, а в Швейцарии — нет. И не только Микеле Синдона, Роберто Кальви и Умберто Ортолани спешили укрыть деньги мафии и масонов в Швейцарии. Там обосновались все, кто рядится в тогу хранителей интересов государства, а на деле беззастенчиво обирает это самое государство.

Законченное выражение эти махинации обрели в номерных счетах. Личность их владельцев известна лишь ограниченному числу высокопоставленных банковских служащих. Поговаривают о реформах. «Но при ближайшем рассмотрении, — сделал вывод западногерманский журнал «Виртшафтсвохе», — оказывается, что все новые предложения лишь ограничивают возможности злоупотреблений, но не могут устранить их полностью».

Лондонский журнал «Нью африкен» в 1983 году черным по белому писал: «Швейцарские законы о налогах и банках привлекательны как для законных, так и для незаконных форм деятельности. К примеру, свыше 600 холдинговых компаний американских транснациональных корпораций превратили Швейцарию в официальное место своей деятельности. Полная секретность банковского дела привлекает

незаконные средства со всего мира, и неудивительно, что швейцарские банки находились в центре многих скандалов, где сделки оценивались в миллиарды долларов».

Существует правило, предписывающее швейцарским банкирам не принимать «подозрительные» деньги и драгоценности. Но это правило существует только на бумаге. «Местные банкиры, — отмечает американский журнал «Бизнес уик», — не видят причин, почему они должны стоять на страже мировых моральных устоев».

Депутат швейцарского парламента профессор социологии в Женевском университете Жан Циглер с полным основанием характеризовал существующие в Швейцарии порядки как «банковский бандитизм». Он бичевал банковских воротил, которые занимаются укрывательством краденого, требовал отмены статьи 47. Но Циглер успеха не достиг. Ему заткнули рот. Не грубо, не кляпом, а с помощью отработанных приемов буржуазной демократии. По поручению (читай: «на деньги») одного из трех финансовых китов страны — Швейцарского кредитного банка был проведен опрос общественного мнения, который показал, что 63 процента граждан возражают против отмены тайны вкладов.

Швейцарцы, как выразился Филипп де Век, бывший президент Союза швейцарских банков, «не откажутся от тех огромных возможностей для процветания, которые обеспечивает финансовая деятельность». Говорит Филипп де Век о швейцарцах, а думает о банкирах, а посему иностранные вкладчики могут быть спокойны.

Вот и растут в Швейцарии как грибы после дождя не только вклады, но и банки, которые носят местные названия, а принадлежат иностранцам типа Кальви и Ортолани и служат грязным целям.

Дурные примеры заразительны. Теми же методами превращается в международный банковский центр и Люксембург. В результате на январь 1984 года в Люксембурге насчитывалось 115 банков, большинство из них — иностранные. Один Кальви в свое время повесил там пять вывесок. Его люксембургские филиалы взяли в кредит половину той суммы в 1 миллиард 400 миллионов долларов, которая растворилась в фиктивных панамских банках.

Редкий день в капиталистических странах обходится без ограбления банков. В ноябре 1983 года в Англии налетчикам удалось, что называется «за один присест», похитить 3 тонны чистого золота стоимостью более 30 миллионов фунтов стерлингов. А ведь банки охранялись по всем правилам полицейской науки. После того как в той же Англии в

1963 году при обстоятельствах, до сих пор остающихся не раскрытыми, было совершено «ограбление века» — грабители остановили поезд, перевозивший деньги, и «облегчили» его груз на 2,5 миллиона фунтов стерлингов, — деньги и драгоценности стали перевозиться только в специально оборудованных броневиках под охраной автоматчиков, готовых открыть огонь в любую минуту. В самих банках с каждым годом появляются все более хитроумные устройства, предназначенные для охраны ценностей. В практику вошли сейфы с электронными запорами, телевизионные камеры, просматривающие каждого входящего, система сигнализации, при срабатывании которой налетчики оказываются в западне.

О каждом ограблении банка газеты сообщают под аршинными заголовками. На поиск грабителей бросаются специалисты высшего класса. Тем, кто поможет найти преступников, сулят большую денежную награду.

Когда же происходит не ограбление банка, а ограбление банком, газеты молчат и никто не взывает к правосудию.

— Что значит отмычка по сравнению с акциями? Что значит взлом в банке по сравнению с основанием банка? — ставил резонные вопросы один из героев брехтовской «Трехгрошовой оперы».

По сравнению с банкирами налетчики занимаются детскими забавами. Самые сенсационные кражи приносили грабителям несколько десятков миллионов долларов. А Кальви обвинили в «исчезновении» 1 миллиарда 400 миллионов долларов. Вот это действительно ограбление века.

Методы обогащения банков самые разнообразные. Они вздувают проценты за пользование кредитными карточками, норовят запустить лапу в сейфы попавших в их тенета предприятий, беззастенчиво грабят государственную казну.

Осуществляется это ограбление главным образом посредством незаконного, что, естественно, никого не останавливает, вывоза капитала за границу. Когда японцы придумали поговорку: «Деньги не имеют ушей, но слышат, не имеют ног, но скачут», они вряд ли представляли все возможности денег «скакать».

В деятельности Синдоны, Кальви и Ортолани вывоз капитала являлся едва ли не главной формой ограбления. Сколько денег перекачали они через границу, можно только гадать.

Одна из таких операций стала достоянием гласности. Выяснилось, что 12 ноября 1975 года швейцарский «Банко дель Готтардо» направил распоряжение миланскому «Банко Амброзиано» продать принадлежащие ему миллион 200 тысяч

акций компании «Торо». В тот же день, как показали документы, оказавшиеся позже в руках следствия, в адрес «Банко Амброзиано» пришло распоряжение из миланской компании «Чентрале» срочно купить акции «Торо» и — какое совпадение! — на точно такую же сумму, которая указывается в распоряжении «Банко дель Готтардо». И хотя этот банк заломил за каждую акцию компании «Торо» цену 35 тысяч лир, когда на миланской бирже они котировались всего по 13 тысяч лир, никаких вопросов у покупателя не возникло, операция была мгновенно осуществлена. Без малого 40 миллиардов лир были перечислены в Швейцарский банк и беспрепятственно перекочевали через Альпы.

Загадочные совпадения и поразительная щедрость покупателя объясняются очень просто: и «Банко дель Готтардо», и «Торо», и «Чентрале» принадлежали... «Банко Амброзиано». Всю эту махинацию Кальви осуществил для того, чтобы перевести обесценивающиеся в Италии лиры в более стабильную валюту.

Однако чаще и Кальви, и Синдона обходились без сложных хитроумных комбинаций, а действовали через Марцинкуса и Институт религиозных дел.

Ватиканский банк имеет возможность беспрепятственно и в неограниченном количестве переводить деньги в Швейцарию, Люксембург, США и даже на Багамы. Законы итальянского государства на него не распространяются, а моральные принципы для Марцинкуса не существуют. Вот и переправляли банкиры мафии через этот канал падавшие в цене лиры в другие страны, где они обращались в доллары, франки и марки. А порой совершались самые откровенные спекуляции. Однажды Институт религиозных дел предоставил «Банко Амброзиано» заем в 50 миллиардов лир, которые Кальви предпочел получить в одном из своих швейцарских филиалов в местной валюте. Вскоре лира подешевела по отношению к швейцарскому франку более чем в три раза. И тогда Кальви, вернув 50 миллиардов лир в Ватикан, сорвал куш в 100 миллиардов. Открытым остается только вопрос: сколько получил в виде комиссионных сотрудничавший с ним банкир в сутане?

В октябре 1982 года, уже после краха Кальви, министр казначейства Италии Андреатта, выступая в парламенте, довольно подробно рассказал о махинациях «Банко Амброзиано» и соучастии в них Института религиозных дел. Но когда речь зашла о том, чтобы указать на сообщников и политическое прикрытие, благодаря которым Кальви и Марцинкус могли осуществлять мошенническую стратегию, Андреатта не

пошел дальше слов о «личном несогласии с их действиями». «Еще хуже то, что министр казначейства, — писала в этой связи газета «Унита», — не смог или не захотел объяснить, где были правительство и все его органы (начиная с секретных служб) во время невероятных махинаций президента «Банко Амброзиано», Личо Джелли, Умберто Ортолани и монсеньора Марцинкуса».

Что касается, по крайней мере, секретных служб, то они-то были вместе с вороватыми банкирами и фашиствующими политиками. Это и помогало, да и по сей день помогает Джелли и Ортолани вершить темные дела.

Если начать перечислять всех западноевропейских банкиров, которые попались (о тех, кто не попался, пресса пока помалкивает) на незаконных валютных операциях, понадобится не один том. По данным Жана Циглера, после избрания президентом Франции Франсуа Миттерана богатые французы перевели на номерные счета в банки Швейцарии не менее 500 миллиардов франков. В конце 1983 года в Париже проходил, как писали газеты, «грандиозный» процесс по делу 62 руководящих служащих банка «Банк де Пари э де Пэи-Ба», сокращенно «Париба», во главе с генеральным директором. Они обвинялись в том, что нелегально переправили за рубеж 160 миллионов франков. Процесс был шумный, но сопоставьте цифру, приведенную Циглером, с этой суммой, и станет ясно, что, делая много шума из ничего, суд, по сути дела, укрывал куда более крупных хищников. А решение суда обелило и обвиненных. Несмотря на то что прокурор охарактеризовал деятельность генерального директора «Париба» Пьера Мусса как «мошенничество, которое стало системой», суд снял с него обвинения. Легким испугом отделались и многие другие. Лишь 16 обвиняемых были приговорены к различным срокам заключения, да и то условно.

В начале 1984 года в парижском издательстве «Плон» вышла книга Жана Бомье «Банкиры, которые нами правят». В ней приводится пример того, как в 1964 году банкиры Женевы, Базеля и Цюриха сорвали намерение английского лейбористского правительства, возглавляемого Гарольдом Вильсоном, увеличить размеры пенсии по старости.

Казалось бы, какое им дело до социальных программ в Англии. Но они боялись за свои барыши. В швейцарских банках лежали крупные суммы в английских фунтах. Банкиры сочли, что Англия не располагает необходимыми средствами для дополнительных расходов по социальному обеспечению. Реализация программы лейбористов, решили в Швейцарии, повлечет за собой серьезный дефицит государственного

бюджета и вспышку инфляции. Чтобы избежать возможных потерь, «цюрихские гномы» выбросили на рынок имевшиеся у них фунты стерлингов, английская валюта покатила вниз со скоростью слаломиста... Чтобы остановить падение фунта, правительству Вильсона пришлось отказаться от своих намерений.

«Эта история, — отмечает Жан Бомье, — была не первой и не последней в своем роде. То английский фунт, то итальянская лира, то бельгийский или французский франк неоднократно становились в послевоенный период предметами международной спекуляции и рушились под ее ударами. И каждый раз более или менее решающую роль играли швейцарские банки».

Не упустить свое, а точнее, урвать чужое стараются все банки капиталистических стран. Отнюдь не невинными агнцами являются и банки Италии. Компетентная английская газета «Файнэншл таймс» относит их к числу самых прибыльных на земном шаре. И прибыли достигаются отнюдь не самыми праведными средствами.

Крах «Банко Амброзиано» поставил ряд острых вопросов. На пленуме ЦК ИКП в октябре 1984 года подчеркивалось, что «два самых крупных итальянских частных банка — «Банка привата италяна» Синдоны и «Банко Амброзиано» Кальви представляли собой связующее звено между крупными нелегальными накоплениями и антидемократическими политическими организациями».

Коммунисты ставили вопрос о необходимости разорвать это звено, вырвать финансовые зубы у дракона.

Власти же дальше разговоров, по сути дела, не пошли.

Когда Личо Джелли оказался в швейцарской тюрьме, итальянские власти направили официальный запрос о его выдаче. В Риме даже вслух мечтали о том, что Джелли поможет раскрыть тайны финансовых махинаций Синдоны и Кальви и многих загадочных политических событий. Но швейцарцы не торопились с ответом, а Умберто Ортолани времени не терял. Он приехал в Женеву и принялся за дело. Многим казалось, что песенка «великого магистра» спета. Но, несколько перефразируя слова Марка Твена, можно сказать, что слухи о его смерти оказались преувеличенными. Рано списали Джелли со счета, поторопились. Не прошло и года, как он бежал из тщательно охранявшейся ультрасовременной тюрьмы, бежал, хотя итальянская полиция, подслушавшая несколько разговоров членов семьи Джелли, взывала к швейцарским коллегам быть начеку, хотя дирекцию тюрьмы предупреждали, что люди,

принятые в последнее время на работу, судя по всему, подсланы ложей «П-2», хотя два стражника в рапортах сообщали, что Джелли предлагал им фантастические суммы за помощь.

В ночь с 9 на 10 августа Джелли покинул тюрьму «Шан-Долон», нисколько не сожалея об уютной камере № 314, где у него были и элегантные занавески, и душ, и цветной телевизор, и мягкая кровать. Птичка вылетела из золоченой клетки в автомашине нанятого ложей «П-2» тюремщика Эдуарда Череза (его гонорар — 20 тысяч швейцарских франков вперед и 2 миллиона после побега), пересекла без всяких затруднений французскую границу, в Аннеси села в поджидавший вертолет и направилась в Монте-Карло. Там уже ждала сорокаметровая яхта Пациенцы, на которой Джелли отбыл в «неизвестном направлении».

«Никто не может предвидеть того, что замышляет Личо Джелли и к какому новому шантажу он прибегнет. Но он доказал, что у него еще много влиятельных друзей во всем мире», — пришли к выводу французские журналисты Жан Ноли и Жак Занетта. Вполне обоснованный вывод.

Такого же мнения придерживается и Тина Ансельми. Она убеждена, что ложа сохранила влияние и в ее распоряжении огромные финансовые средства, которые контролирует Ортолани.

События последних лет кое-что прояснили.

В конце 70-х годов в Италии заговорили о «гипотезе трех «М». Под этим понятием подразумевался глубоко законспирированный союз мафии, уголовно-политических и террористических банд (по-итальянски — «малавита») и масонов. Сегодня составной частью этого союза, причем в качестве руководящей силы, стало американское ЦРУ.

На первый взгляд создается впечатление, будто они очень разные: мафиози и священнослужители, банкиры и «рыцари плаща и кинжала». Но это впечатление создают они сами. Создают сознательно, умышленно, чтобы скрыть свое кровное родство, основанное на классовых интересах.

«Доны» мафии, не признающие ничего, кроме наживы, готовые во имя этой наживы в любой момент попать все законы и обычаи, нормы морали и заповеди. Масоны, разглагольствующие о духовном совершенстве и одновременно пестующие террористические банды, вынашивающие в сумраке окутанных мистической тайной «лож» зловещие планы установления фашистской диктатуры. Банкиры, охотно берущие залитые кровью деньги и снова пускающие

их в оборот, чтобы получить очередной процент с очередных убийств и махинаций. Священнослужители, велеречиво воспевающие любовь к ближнему, упорно стремящиеся на место ближнего поставить самих себя и во имя этого отнюдь не чурающиеся противозаконных деяний, лицемерно объявляя их богоугодными. И наконец, американское ЦРУ, которое, оставляя маскировочную риторику вашингтонским политикам, исповедует и практикует откровенный государственный терроризм.

Далеко не всегда интересы этих сил совпадают. Когда происходит дележ пирога, каждая сторона норовит урвать кусок побольше и послаще. Но они едины в том, чтобы пирог был как можно больше и чтобы доставался он только им. И вот уже убийцы-мафиози легко находят общий язык с отцами церкви, а пекущиеся об интересах американского империализма агенты ЦРУ договариваются с магнатами промышленности. И безразлично, какой они национальной принадлежности, итальянской или другой, ибо при всех распрях и противоречиях они видят главного врага в коммунистах, выступающих за подлинную справедливость и реальные свободы.

Банкиры мафии, масонов и Святого престола аккумулируют средства, приумножают грязные махинации и пытаются с их помощью создать преграду на пути коммунизма.

Денег, как и патронов, реакция не жалеет.

Сражаться против зловещего союза «трех «М», который пустил глубокие корни в государственной структуре капиталистической Италии, очень непросто. Но сражение идет. Все новые силы, все более широкие круги общественности включаются в борьбу.

Содержание

1. ЧЕЛОВЕК С ЛЕДЯНЫМИ ГЛАЗАМИ	3
Загадка моста «Черных монахов»	—
Банкир в сутане	9
Закон джунглей	20
2. «САМЫЙ УДАЧЛИВЫЙ ИТАЛЬЯНЕЦ»	26
Фортуну зовут «Мафия»	—
Невидимый концерн	31
Свобода предпринимательства	43
3. ФИНАНСОВЫЙ ДИРЕКТОР ЛОЖИ «П-2»	52
Закулисные властители	—
Оптом и в розницу	58
Банковский бандитизм	71

Виктор Николаевич Левин
БАНКИРЫ МАФИИ

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Е. М. Аветисян*
Младший редактор *В. В. Мещеряков*
Художник *А. А. Толмачев*
Художественный редактор *А. А. Пчелкин*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 4737

Сдано в набор 29.07.85. Подписано в печать 16.12.85. А00232. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага кн.-журн. импортная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд л. 4,80. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 928.
Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.